

ЗАХАР СОРОКИН

КРЫЛАТЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ

Annotation

Автор этой книги — известный летчик-истребитель, Герой Советского Союза Захар Артемович Сорокин. В годы Великой Отечественной войны он сражался в небе Заполярья, в прославленном Краснознаменном гвардейском истребительном полку имени дважды Героя Советского Союза Б. Ф. Сафонова.

Нелегко сложилась фронтовая судьба Сорокина. Осенью 1941 года в воздушном бою он таранил фашистский самолет. Тяжело раненный, сильно обмороженный летчик нашел в себе силы преодолеть несколько десятков километров безлюдной тундры и добраться до своих. Врачи ампутировали ему обе ступни. Но Сорокин страстно хотел быть в строю защитников Родины и добился своего — он стал летать. На боевом счету Сорокина 16 самолетов врага. Однополчане по праву называли его «Маресьевым Заполярья».

В книге «Крылатые гвардейцы» З. А. Сорокин рассказывает о летчиках-североморцах, своих однополчанах. Легендарный сафоновский полк вырастил 15 Героев Советского Союза. Автор взволнованно повествует об их подвигах. Тепло, душевно рисует образы тех, с кем он летал крыло в крыло. С большой любовью воссоздан образ Б. Ф. Сафонова — бесстрашного летчика и талантливое командира.

Рассказы и очерки волнуют своей достоверностью, искренностью.

- Герой Советского Союза

- Мечта сбылась
- Над крымской землей
- Идет война народная
- В небе Заполярья
- Первый бой
- Истребители идут наперехват
- В воздухе — Сафонов!
- Семь против пятидесяти двух
- Плечом к плечу
- Самолет не вернулся
- В госпитале
- Нет, не отлетался
- «Тихорецкий комсомолец»
- Воздушные разведчики
- Гвардейская душа
- Призвание

- Прерванная песня
- Секрет побед
- Судьбы героев
- Неоконченный разговор
- Душа полка
- Морское сражение
- Салют Победы
- notes
 - 1

Герой Советского Союза
Захар Сорокин
Крылатые гвардейцы

Мечта сбылась

Люди мечтают по-разному. Есть мечта маленькая, с годами она забывается. Но есть мечта большая, которая определяет всю жизнь человека. И если не сразу удастся осуществить ее, она становится человеку еще дороже, он еще энергичнее борется за ее воплощение, смело идет навстречу испытаниям. Каждый день возникают новые задачи — жизнь становится яркой, интересной.

Стать летчиком — было самой большой мечтой моей жизни. К семнадцати годам я понял, что она не бесплодна, ее можно осуществить. Я должен стать летчиком!

Однажды вызвал меня во двор Данька Пархомов и, волнуясь, сообщил:

— Ой, Захарка, не поверишь... У нас в Тихорецке аэроклуб будет... Комсомол должен подготовить сто пятьдесят тысяч летчиков.

— Где? В Тихорецке?

— Да нет, — недовольно остановил меня Данька, — в СССР... Но и у нас будет аэроклуб, и у нас будут готовить... Понял?

Мы тотчас же помчались разыскивать начальника аэроклуба. Тот встретил нас без особого энтузиазма. Подняв голову от бумаг, разложенных на столе, он спросил:

— Комсомольцы?

— Да! — одним духом выпалили мы.

— А где работаете?

Я посмотрел на Даньку, он на меня.

— Мы не работаем... Мы только что школу окончили.

— Чего же вы пришли сюда? Мы принимаем рабочую молодежь...

Огорченные, мы двинулись к выходу. Начальник аэроклуба бросил нам вслед:

— Эй, орлы! Духом не падать...

Мы остановились.

— А еще хотите на летчиков учиться, — добродушно пробасил он. — Устраивайтесь на работу и приходите... Тогда примем...

Обрадованные, мы выскочили из здания аэроклуба. У входа нас кто-то окликнул, обернулись — к нам подходил высокий стройный летчик в комбинезоне с голубыми петлицами.

— Здравствуйте, ребята, — сказал он, — в аэроклуб записаться хотите?

— Да. Но начальник говорит...

— Это дело поправимое, — прервал летчик. — Только школу

окончили? Не работаете еще? Советую вам, ребята: поступайте в ФЗУ при паровозоремонтном заводе. Будете приобретать специальность и в аэроклуб запишетесь...

Широко открытыми глазами мы смотрели на этого молодого, ненамного старше нас, смуглолицего человека. Он, наверно, заметил нашу растерянность.

— Не удивляйтесь, хлопцы, что я вас остановил... Мы с вами еще встретимся, меня сюда инструктором назначили. Давайте знакомиться: Рубанов.

Мы с Данькой назвали себя и по очереди пожали ему руку.

Домой возвращались веселые и возбужденные.

Распроставшись с Данькой, я задумался над тем, как сказать дома о своем желании записаться в аэроклуб. Я знал — отец будет возражать. К тому же надо было решить, какую специальность выбрать в ФЗУ.

С детских лет я привык к тяжелому физическому труду и не боялся его. Мне всегда хотелось стать очень сильным. Но как натренировать тело? Как развить мускулатуру? Я слышал, что среди рабочих самые сильные — кузнецы, и решил: буду учиться кузнечному делу.

Дома сказал об этом отцу.

— Что ж, — обиженно ответил он, — не хочешь, видать, быть печником...

— Да ты пойми, батя, — начал я убеждать. — Ведь я уже научился класть печи... А теперь приобрету еще одну специальность, да какую!..

Отец долго ворчал, но в конце концов согласился. И вот я — ученик ФЗУ в группе кузнецов. В эту группу отобрали только физически развитых ребят.

Теперь настало время сказать дома об аэроклубе.

Была не была!

— Ты знаешь, батя, хочу научиться летать, — робко начал я. — В Тихорецке открылся аэроклуб. Так я запишусь туда...

Отец свел брови, бросил на меня сердитый взгляд.

— А больше ты ничего не хочешь? — с издевкой протянул он. — Летать! Ишь птица какая...

Мать, которая слышала наш разговор, перекрестилась.

Я понял, что самому мне отца не убедить. Помочь мог только Иван — мой старший брат. Надо было склонить его на свою сторону. Вечером я рассказал Ивану обо всем. Он внимательно выслушал меня, потом спросил недоверчиво:

— Примут ли тебя?

— Я узнавал уже... Сказали — подавай заявление.

— Ладно, — согласился Иван. — Я поговорю с отцом.

Утром отец сам сказал мне:

— Ступай, посмотрим, как ты будешь летать...

Через несколько дней медицинская комиссия признала меня годным. Отнес все необходимые документы в аэроклуб. Пришлось сдавать вступительные зачеты по математике, русскому языку и черчению. Но меня уже ничто не могло остановить. Занимался я усидчиво и зачеты сдал успешно. Прошел день, второй. Наконец получил вызов в аэроклуб. Здесь очень много знакомых ребят. Среди них мои лучшие друзья: Данька Пархомов, Гриша Деревянко, Павел Замота, Петя Димитренко, Клава Корчига, Нина Кран, Нина Захарова и другие. Нам зачитывают приказ по аэроклубу. Зачислены!

Мы — учлеты!

* * *

Совмещать работу и учебу нелегко. Но теперь для меня все трудности преодолимы. Я буду летать.

Работа в кузнечном цехе паровозоремонтного завода развивает силу, ловкость, выносливость — все те качества, без которых, как я считал, немыслима профессия летчика. В то же время учеба в аэроклубе дает мне технические знания, а это очень помогает работе на заводе.

В учебных классах Тихорецкого аэроклуба стоят макеты самолетов, настоящие моторы, на стенах — чертежи, схемы. Здесь мы изучаем теорию авиации и технику.

Каждый день приносит что-то новое. Все, что касается авиации, ее истории, впитывается нами с необычайной жадностью. По дороге домой мы вспоминаем отдельные места лекций с таким увлечением, будто только что просмотрели захватывающий фильм.

Весна в Тихорецке в том году была ранняя, дружная. Уже в начале марта солнечные лучи растопили остатки снега. Робко появляется шелковистая зелень, завязь на деревьях с каждым днем становится все отчетливее.

А для нас, учлетов, приход весны означал еще одну радость: предстояли полеты.

Инструктор нашей летной группы Федор Семенович Рубанов неожиданно сообщил:

— Через неделю выходим на воздух. Будем осваивать прыжки с парашютом.

Мы уже давно с большим уважением относились к Рубанову. А тут еще это радостное сообщение... «Нет на свете человека

лучше Рубанова!» — думалось нам.

Инструктор парашютного спорта поручил нам подготовить вышку к прыжкам. Ее надо было покрасить. Мы дружно взялись за работу: скоблили почерневшее за зиму дерево, носили воду, разводили краски. Забыли и о кино, и об отдыхе, и о прогулках. Нас прогоняла от вышки только темнота. Инструктор Брюхов заметил мое особенное рвение.

— Молодец, Сорокин, — похвалил он, — хорошо работаешь. Начнем занятия — получишь добавочный прыжок.

И он сдержал свое слово: почти на каждом занятии я получал добавочный прыжок. Я был счастлив.

Когда практические занятия по укладке парашютов подходили к концу, инструктор сказал мне:

— Сегодня мы проведем дополнительные прыжки с парашютной вышки, разрешение на это получено.

В тот день я прыгал трижды. Спуск и приземление были удивительно мягкими и приятными.

«Вот с самолета прыгнуть!» — размечтался я.

...Наступил апрель. С каждым днем становилось теплее. Согретое весенним солнцем, поле аэродрома давно покрылось светло-зеленой травой.

Нам сказали, что в ближайшие дни начнутся ознакомительные полеты по кругу.

Не верилось, что мы в самом деле будем летать. До сих пор мы только мечтали об этом.

И вот наступил день, ставший для нас большим, прекрасным праздником. Наша группа выстроилась на аэродроме. Инструктор Рубанов сообщил:

— Сегодня мы начнем ознакомительные полеты по кругу. Каждый из вас поднимется со мной в воздух. После полетов подробно расскажете, как вы себя чувствовали в воздухе. Кому будет страшно, признавайтесь без стеснения. Первым полетит учлет Сорокин.

Волнуясь, я подхожу к У-2. Тщательно осматриваю мотор, шасси, обхожу вокруг самолета. Убедившись, что все в порядке, тут же около кабины надеваю парашют. Потом обращаюсь к Федору Семеновичу.

— Товарищ инструктор! Учлет Сорокин произвел осмотр самолета. Неисправностей не обнаружил. Самолет к полету готов.

— Садитесь. Сейчас полетим.

Рубанов сел в переднюю кабину, я — в заднюю.

Техник Эпельбаум, невысокий, полный блондин лет двадцати пяти, ободряюще подмигнул мне — все будет хорошо — и подошел к самолету, взялся за винт, повернул его несколько раз.

Инструктор подал команду:

— К запуску!

— Есть, к запуску!

Я внимательно слежу за каждым движением инструктора. После того как техник потянул лопасть винта и отскочил от самолета, Рубанов включил зажигание. Заработал мотор, и самолет порулил на старт. Летчик поднял руку: прошу разрешение на взлет. Стартер, стоявший у посадочного знака «Т», махнул белым флажком: можно лететь. Самолет сделал короткую пробежку и плавно оторвался от земли. Когда и как это произошло, я не почувствовал. Взглянув вниз, я неожиданно для самого себя в испуге ухватился обеими руками за борт кабины, и сразу в шлемофоне раздался голос:

— Что с вами, Сорокин?

Я почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Осмотрите местность с воздуха. Запомните границы аэродрома, — приказал Рубанов.

Почти успокоившись, я неторопливо осмотрел левую полусферу, потом перевел взгляд вправо. Показываю узкую ленточку — реку Челбас, железную дорогу, пыль в поле — это от трактора и машин. Инструктор удовлетворенно кивает головой.

После посадки я вылез из кабины и подошел к Федору Семеновичу. Мотор самолета еще работал, поэтому мне пришлось почти кричать:

— Товарищ инструктор! Учет Сорокин ознакомительный полет по кругу выполнил!

— Не боялся? — улыбаясь, спросил Рубанов.

— Нет!

— Как же нет, когда ты за борт держался?

Я не знал, что отвечать.

— Ну добро, Сорокин, успокойся! Летать ты будешь.

Теперь мы совершали учебные полеты почти ежедневно. Дни стояли ясные, безоблачные. Южный ветер еле-еле шевелил листву на верхушках деревьев, растущих вблизи аэродрома. Погода была как по заказу для нас, новичков: летайте спокойно! И мы летали. Наш инструктор Федор Семенович внимательно следил не только за тем, что мы делаем в полете, но и за выражением наших лиц. Очень хотелось ему сделать из нас отличных летчиков — смелых, уверенных, быстро соображающих.

Терпеливо, бережно помогал Рубанов отстающим.

— Нельзя же сразу вешать нос! Держи голову выше! — тоном приказа обращался он к своему ученику после неудачного полета.

В самостоятельный полет я вылетел первым из учлетов нашего выпуска. Не скрою: было немного страшновато, и в то же время радость и гордость распирали меня.

— Учтите: на первом сиденье — мешок с песком, — напомнил Рубанов и тут же добавил: — Вас будут контролировать с земли, но вы об этом не думайте, держите положенную скорость, развороты делайте координированно, особенно внимательно заходите на посадку. Если промажете, уходите на второй круг. Действуйте спокойно.

...Полет по кругу я произвел правильно, но на посадке растерялся. Промазав, я старался прижать самолет к земле и еще больше усугубил ошибку, так как скорость увеличилась. Вижу: мне дают отмашку красным флажком, — значит, надо уходить на второй круг. Я подчиняюсь сигналу, но, растерянный, забываю перевести самолет в угол набора. Опомился только тогда, когда почувствовал, что мой самолет вздрагивает: по фюзеляжу и плоскостям колотили головки подсолнухов. Значит, я уже за границей аэродрома. Поспешно беру ручку на себя и, набирая высоту, ухожу на второй круг. На этот раз я посадил самолет точно у «Т» на три точки, как положено. К кабине подбежал инструктор.

— Сидите, Сорокин! — крикнул он. — Сделайте еще один полет по кругу.

У меня отлегло от сердца.

Второй полет прошел удачно. После моего доклада Федор Семенович протянул мне руку и сказал, довольно улыбаясь:

— Задание выполнили. Поздравляю вас с первым самостоятельным вылетом и желаю дальнейших успехов.

...Вскоре, получив отпуск, мы выехали в лагерь. Поселились в маленьких, тесных и неудобных палатках, питались довольно скудно. Но мы были молоды, здоровы, крепко дружили, а главное, у нас была цель — стать летчиками. Лишь отвратительная погода огорчала: хмурые тяжелые облака круглые сутки висели над нашим лагерем, густая сетка мелкого назойливого дождя укутывала дали. В такие деньки приходилось только мечтать о полетах.

Мы часами сидели в палатках продрогшие, «отсыревшие», приунывшие. Но молодость брала свое: хором пели любимые песни, кто-нибудь рассказывал забавные истории, а вечерами ходили в городской клуб на танцы.

Сколько радости было, когда ветер наконец разогнал тучи и над нами широко раскинулось ясное синее небо. Возобновились полеты по кругу, в зону. И с каждым новым полетом мы все увереннее чувствовали себя в воздухе.

Незабываем день, когда мы окончили аэроклуб. За время занятий мы крепко подружились и с инструктором, и друг с другом. Жаль было расставаться: аэроклуб стал для нас второй семьей, вторым домом.

И когда Рубанов предложил мне остаться работать в клубе инструктором-общественником, я с восторгом согласился.

Еще бы — совсем недавно я сам впервые пришел в аэроклуб, а теперь буду учить других. То, что мне удалось усвоить за время напряженной учебы, должен передавать новичкам. Конечно, чувствовал я себя, как говорят, на седьмом небе. Как же не ликовать! Год назад профессия летчика казалась мне недоступной, и вот другие станут учиться у меня и наверняка переживать то же самое, что переживал и я, глядя с благодарностью на своего инструктора Федора Семеновича Рубанова.

Ежедневно я посещал аэроклуб и готовился приступить к своим обязанностям инструктора-общественника. На заводе мои дела шли успешно — я стал кузнецом высшего тогда четвертого разряда. Большое физическое напряжение в часы работы на заводе пошло на пользу: во время полета я чувствовал себя свободно, уверенно. Теперь я понимал, что не ошибся в выборе профессии. Авиационная практика подтвердила, что летчику необходимо обладать большой физической силой и выносливостью.

Итак, будущее у меня замечательное — работа на заводе и в аэроклубе. Чего ж еще желать?

И все-таки я мечтал попасть в авиационное училище, стать военным летчиком.

Моим мечтам суждено было осуществиться, но несколько иначе, чем я предполагал.

В один из майских дней я пораньше пришел в аэроклуб, чтобы познакомиться с учлетами моей группы. Навстречу мне спешил Федор Семенович:

— Слыхал, Захар, новость, — сказал он, — прибыла комиссия для отбора желающих поступить в военно-морское авиационное училище.

— Почему в морское? — удивленно спросил я.

— Это спецнабор Центрального Комитета комсомола.

Летать над морем? Так ли это интересно? Впрочем, все равно я буду военным летчиком.

...Всем окончившим аэроклуб члены комиссии предложили пройти испытания. Зачет по теории я сдал успешно. Оставалась

летная практика. Полеты в зону и по кругу принимал председатель комиссии, военный летчик. Он дал задание: полет в зону — мелкие и глубокие виражи, петля, штопор, спираль, расчет, посадка и расчет на посадку с неработающим мотором.

Волновался я сильно. Но держал себя в руках. Очень хотелось выдержать испытание на «отлично». Полеты провел успешно, заслужив похвалу комиссии.

Вечером в аэроклубе зачитали список кандидатов в училище. В списке была и моя фамилия.

Не в силах сдержать радость, бегом помчался домой. Захлебываясь, перескакивая с одного на другое, рассказываю обо всем матери и отцу. Отец даже крикнул от неожиданности, а мать молча отвернулась, чтобы незаметно вытереть слезу.

— Выходит, в армию идешь, Захар? — спросил отец, пряча глаза под мохнатыми бровями.

— Да, в армию, — весело ответил я. — Буду истребителем!

— Что же ты будешь истреблять? — вмешалась в разговор мать.

— Вражеские самолеты, если будет война.

— Дело нелегкое, — покачал головой отец, — но если берут — иди. Только смотри: не справишься со своими истребительскими делами и вернешься домой — выпорю. Помни об этом. — А глаза отца уже не прячутся, смотрят на меня ласково и ободряюще.

А через несколько дней мы, группа бывших учлетов Тихорецкого аэроклуба, были в Ейске.

Мы знали, что впереди нас ждет немало испытаний. Предстояло пройти в училище мандатную и медицинскую комиссии. А эти комиссии браковали кое-кого из кандидатов в училище. Сейчас каждый из нас беспокоился, хотя и не показывал виду.

Тревога была ненапрасной: некоторым пришлось возвращаться домой. У меня же все обошлось благополучно — я стал курсантом летной группы истребителей.

Вновь начались занятия. Мы изучали материальную часть истребителя И-16, теорию полета, аэродинамику, теорию воздушных стрельб, а после окончания теоретической подготовки совершали полеты на учебно-боевом самолете. Весь курс был рассчитан на два года. И хотя порою приходилось нелегко, никто не роптал на трудности — слишком велико было желание стать хорошим летчиком. Мы знали, что очень нужны Родине: газеты приносили на своих страницах запах гари испанских городов, и руки наши сжимались в кулак — символ интернационального приветствия.

Часто я думал об отце. Словно чувствовал, что большое горе свалится на меня. И действительно, вскоре я получил из дому известие о смерти отца. Он простудился и умер от воспаления легких. Так я с ним и не попрощался...

В октябре 1939 года командиры из авиационных частей принимали у нас теорию и летную практику. Два года не прошли даром — мы все успешно выдержали испытания. 5 ноября в городском Доме Красной Армии начальник училища полковник Андреев огласил приказ наркома обороны. Нам, выпускникам, присваивалось звание «лейтенант».

В своем напутственном слове полковник Андреев сказал:

— Теперь вы летчики, но это не значит, что вам уже не нужно учиться. Вы все еще молоды, опыт у вас совсем небольшой. Поэтому в строевых частях вы должны будете продолжать свою учебу. Только тогда вы станете настоящими искусными истребителями.

Вместе с моими товарищами Николаем Савва, Иваном Берешвили, Александром Гелошвили и другими я получил назначение на службу в военно-воздушные силы Черноморского флота.

Над крымской землей

Приехали мы в Севастополь утром. Небо над городом как опрокинутая синяя чаша. А море... Разве найдешь слова, чтобы описать всю его прелесть?.. То оно темно-синее, почти черное и очень грозное, седые его волны упорно рвутся на берег. То на голубовато-зеленой морской глади заискрится золотистая солнечная дорожка. Она тянется от берега и сливается с горизонтом.

Я слышал много рассказов о красотах природы Крыма, но то, что увидел собственными глазами, превзошло все мои ожидания. И в этом чудесном небе, над этим морем, будто вобравшим в себя всю синь неба, буду летать я, летчик-истребитель! До чего хороша жизнь!

Меня направили в истребительный полк.

Люди там оказались замечательные. Мне понравились и мои новые начальники.

Командир полка майор Наум Захарович Павлов — крупный, широкоплечий, на первый взгляд тяжеловесный, а на самом деле живой и подвижной — настоящий летчик-истребитель. Летал он классически и не жалел ни сил, ни времени, чтобы передать свое мастерство подчиненным. Без него не обходился ни один полет, ни одни сборы. Он успевал посещать и семьи летчиков, интересуясь, как они живут, не надо ли им чем-нибудь помочь.

Наш командир эскадрильи Николай Васильевич Васильев был очень строг, требователен. Но все летчики любили его. Когда он, гладко выбритый, в отлично выутюженной форме, четким шагом шел по аэродрому, мы невольно подтягивались. Летал Васильев уверенно, четко, красиво. И от нас требовал того же. Медлительности не переносил. Крепко доставалось нам от него и на контрольных полетах.

— Вялая «бочка», вялая «петля», — выговаривал он, — не ленитесь ручку на себя потянуть.

Заслужить скупую похвалу Васильева — большая честь для каждого из нас. Чтобы добиться ее, мы усиленно занимались спортом: работали на снарядах, плавали, бегали, толкали ядро... И сами замечали, что становимся сильными, ловкими, гибкими, что исчезает вялость движений.

В 1940 году к нам в полк приехали участники войны в Испании летчики-орденоносцы Шубиков и Ларионов. Они охотно передавали нам опыт, полученный в воздушных сражениях. А рассказать им было о чем. Капитан Шубиков, например, имел на своем счету семь сбитых самолетов. На наши расспросы он

смущенно отвечал:

— Ничего особенного, надо будет, и вы станете сбивать самолеты... Верно, товарищи? Если враги полезут на нас, встретим их как следует...

Идет война народная

В ночь на 22 июня 1941 года меня разбудил сильный стук в дверь. Я соскочил с кровати, прислушался. Нетерпеливый стук повторился.

— Кто там?

— Боевая тревога!

Ночь была темная. Моросил дождь.

Над морем, где-то в стороне от Севастополя, красное зарево. Что такое?

У машин, которые были рассредоточены по аэродрому, собрались летчики. Укрывшись от дождя под плоскостями, ждали приказ. Взмолнованно переговаривались, на душе было тревожно.

— Ребята, война, что ли?

— Значит, будем воевать!

Наступил рассвет. Зарево над Севастополем бледнело, затухало.

Позже по радио передали правительственное сообщение: началась война... На аэродроме, у машин, состоялся короткий митинг.

— Товарищи! — обратился к нам комиссар полка. — На нашу страну вероломно напала Германия. Самолеты противника бомбили сегодня Севастополь и другие города Советского Союза. Мы должны немедленно перебазироваться на аэродром в Качу...

Летчики нашего полка патрулируют над морем в непосредственной близости от Севастополя. Высота девять тысяч метров. Если появятся бомбардировщики врага, нельзя позволить им бомбить порт. Погибнуть, но не дать! Но фашисты не появлялись.

В один из жарких июньских дней, когда я находился на аэродроме, ко мне подбежал посыльный из штаба полка и скогоговоркой выпалил:

— Товарищ лейтенант! Вас вызывает командир полка.

В штабе я встретил моих друзей Дмитрия Соколова и Николая Толстикова. Майор Павлов поздоровался с нами, усадил за стол.

— Вы уже знаете, что гитлеровские войска перешли нашу границу на всем ее протяжении от Черного до Баренцева моря. Знаете также, что людей, хорошо разбирающихся в военном деле, командование посылает на самые ответственные участки фронта. Короче говоря, вы нужны в Заполярье. Летать там нелегко, сами понимаете... Но я думаю, вас не испугает суровый климат Заполярья. Среди вас есть сибиряки, которые знают, что такое

северная зима... На аэродромы Заполярья поступили «миги». Вы летали на этих машинах. Уверен, что доверие командования оправдываете с честью.

В этот же день группа летчиков и техников выехала в Москву.

Многие из нас никогда не бывали в столице. Но любоваться Москвой нет времени: надо спешить в Управление Военно-воздушных сил Военно-Морского Флота.

В метро мы невольно обратили внимание на то, что москвичи неразговорчивы. Лица строгие, фигуры подтянутые. Я переглянулся с Соколовым.

— Война, — тихо произнес он.

Да, война. Трудно всем — и нам, военным людям, и им, людям мирного труда.

В отделе кадров Управления Военно-воздушных сил Военно-Морского Флота полковник Смирнов внимательно изучил наши личные дела, сердечно и тепло поговорил с каждым из нас. В заключение сказал:

— Хороший вы народ, хлопцы! Именно такие нужны сейчас на Севере. Обстановка там тяжелая, на учете каждый человек. О климатических условиях Заполярья вы уже, наверное, знаете... Туманы, многоярусная облачность, пурга, трескучие морозы. Направляем вас к старшему лейтенанту Сафонову. Это прекрасный товарищ и замечательный летчик. С первых дней войны он здорово бьет фашистских гадов. Надеюсь, что вы будете достойны своего командира...

Утром следующего дня мы приехали на Внуковский аэродром. У транспортного самолета Ли-2 нас встретил командир корабля. В кожаной куртке, подтянутый, он выглядел моложе своих лет.

— Полковник Крузе, — представился он, пожимая нам руки. — Сейчас вылетаем. Располагайтесь по центру.

Вскоре самолет, управляемый опытным полярным пилотом, пробежав по неровному полю, оторвался от Земли. Сделав прощальный круг над аэродромом, он взял курс на Архангельск.

В небе Заполярья

Да, если бы не война, сколько радости доставило бы мне это неожиданное путешествие с юга на север. Подумать только: всего несколько дней назад я купался в Черном море, бороздил синее-синее небо над горами, виноградниками, над солнечными городами-курортами, успел побывать в столице Родины — Москве. А сейчас Ли-2 с предельной скоростью мчит нас в далекий город, к студеному морю... И там, в северном небе, часто летают самолеты со свастикой. Они охотятся за транспортами, идущими в Мурманский порт. И не только за транспортами. Гитлеровские летчики сбрасывают бомбы на мирные города, на женщин, стариков и детей...

Мы победим фашистов, в этом я не сомневаюсь. Но сколько крови прольется — страшно подумать.

Машинально наблюдаю за меняющимися под крылом самолета картинами. Внизу проплывают хвойные леса, болота, озера. Но вот в стороне от них, разрезав лесные чащи надвое, легло полотно железной дороги. Навстречу нам дымит поезд из Архангельска... А вот и Архангельск, международный порт, город кораблестроителей, рыбаков и лесозаготовителей. Сверху полноводная Северная Двина кажется узкой серебряной лентой. Рядом с Архангельском — Холмогоры — родина Ломоносова. А вот и Белое море...

Крузе сажает Ли-2 на промежуточный аэродром. Нас уже ждут работники аэропорта. Начальник аэропорта тепло приветствует командира корабля. Чувствуется, что они старые, хорошие знакомые.

— Какая погода в Мурманске? — спрашивает Крузе.

— Очень хорошая. Мурманск принимает вас.

Крузе быстро поворачивается к нам и весело говорит:

— Вы, ребята, счастливчики! Сегодня будете дома...

Нам не терпелось скорее добраться до своего аэродрома, домой, как сказал полковник.

— Фашисты беспокоят? — спросил Крузе у начальника аэропорта.

— Круглые сутки... Бомбят аэродромы, Мурманск...

Лицо полковника посуровело, поперек лба и в уголках рта пролегли глубокие морщины.

— Работа вам предстоит... Ничего не скажешь, — глухо добавил он.

— Скорее бы! — откликнулся Дмитрий Соколов.

— Сейчас летим, истребители.

И опять мы в воздухе. Летим дальше на северо-запад. Теперь под нами горы, точнее, крутые полярные сопки. Вновь под крылом — болота, озера, речушки. А на дне ущелий огромные гранитные глыбы под лучами солнца сверкают, как драгоценные камни. Так вот он какой Север!

Впереди показалось море, свинцово-серое, неприветливое и необозримое. Наш самолет идет на бреющем полете. Кажется, вот-вот он заденет за гребень какой-либо сопки. Еще минута — и мы над полем аэродрома. Наша машина сбавляет обороты моторов и с выпущенным шасси идет на посадку. Прилетели! Мы поспешно выскочили из самолета. Навстречу нам шел подполковник с Золотой Звездой Героя на груди. Это был командир полка Губанов.

Дмитрий Соколов, старший нашей группы, представился командиру и передал ему пакет. Губанов начал было поочередно знакомиться с нами. В это время взревели моторы самолета Крузе. Ли-2 возвращался в Москву. «Счастливого пути!» — мысленно пожелал каждый из нас. И едва Ли-2 скрылся из глаз, начали стрелять наши зенитные орудия. В небе рассыпались светлосерые пятна разрывов зенитных снарядов. Несколько самолетов пошли на взлет. Подполковник бросил нам на ходу: идите в укрытия. Однако самолетов противника не было видно. Я поискал их в небе, потом огляделся — возле ни одного человека.

— Ложись! — услышал я и побежал к речке.

— Ложись, говорят тебе!

«Куда же ложиться, когда я стою по колени в воде?» — подумал я, но тут же кто-то энергично схватил меня за ворот кожаного пальто и положил рядом с собой.

И вдруг тишина раскололась. Небо выло и свистело. А затем раздался оглушительный взрыв. Еще и еще. В промежутках между разрывами слышались глухие пулеметные очереди. Это наши самолеты навязали фашистам воздушный бой.

Вскоре все стихло. Я поднялся. Около меня стоял летчик Толстиков. Глядя на меня, он улыбался:

— Хорош ты, Захар... Как черт!

— И ты не лучше...

Когда все собрались, Дмитрий Соколов невесело сказал:

— Вот и получили боевое крещение... на земле...

— Не по душе оно мне, — признался я, — лежи и жди, когда на твою голову свалится бомба... Встретить врага в воздухе — это дело другое.

«Наше место — в небе!» — с этой мыслью все согласились.

Пора идти на командный пункт, представляться командиру эскадрильи старшему лейтенанту Сафонову. Все мы немного

волновались, думая о предстоящей встрече. Еще ни разу не видел Сафонова, но зная о нем по рассказам других, мы восхищались знаменитым североморским асом.

Нашли его возле землянки командного пункта.

«Орел!» — единственное, что я подумал, когда впервые увидел своего командира. Все в нем было необыкновенным. Его своеобразно красивое, с крупными, резко очерченными чертами лицо, на котором выделялись большие светло-серые глаза, запечатлелось в моей памяти навсегда.

Сафонов поднялся нам навстречу. Дмитрий Соколов выстроил нашу группу и обратился к командиру эскадрильи:

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант, летчики Черноморского флота прибыли к вам для дальнейшего прохождения службы.

Сафонов изучающе посмотрел на нас, нахмурился, но через секунду теплая улыбка осветила его обветренное лицо.

— Вы что, товарищи, в разведку ходили? — спросил он.

— Прятались от бомбежки, товарищ старший лейтенант, — ответил за всех Соколов.

— Первое знакомство с врагом, — сказал Сафонов, ободряюще посмотрев на нас. — Вы летали на «мигах»? Придется немного подождать. Скоро получим новые машины, соберете их и будете сражаться вместе с нами...

А пока знакомьтесь с местностью, привыкайте к новому климату. — Он еле заметно улыбнулся нам.

Мы ушли от Сафонова со смешанным чувством радости и неудовлетворенности: командир очень понравился нам, он оказался даже лучше, чем мы ожидали, а вот задержка с боевыми вылетами сильно огорчала.

На следующее утро мы узнали, что самолеты, предназначенные для нашего полка, уже прибыли в Мурманск. Сафонов вызвал нас к себе:

— К вечеру машины будут на аэродроме. Сразу же начнете собирать их. А пока смотрите, как мы летаем...

Трижды в тот день поднимались сафоновцы в воздух. После первого вылета командир эскадрильи вылез из кабины возбужденный, веселый.

— Дрались? — спросил его инженер эскадрильи.

Сафонов показал большим пальцем вниз... Это означало: сбит самолет врага.

— Жарковато было?

— Признаться, да! — ответил Сафонов и, сбросив шлем, вытер тыльной стороной ладони мокрый лоб.

Мы, новички, окружили Сафонова и восторженно смотрели

на него: несколько минут назад он в упорной схватке сбил фашиста!

К вечеру нас отвезли к месту разгрузки самолетов. Возле больших ящиков, в которых были упакованы новые машины, мы увидели начальника военно-воздушных сил Северного флота генерал-майора авиации А. А. Кузнецова и главного инженера подполковника Собченко.

Соколов отрапортовал о нашем прибытии. Генерал приветливо сказал:

— Черноморцы, значит. Ну, привыкайте. Надеюсь, не подведете. Знакомьтесь с Заполярьем?

— Как же мы будем знакомиться? Самолетов-то у нас нет, — огорченно ответил лейтенант Толстиков.

— Обязательно на самолетах? — засмеялся Кузнецов. — А на земле? На земле сначала надо хорошенько ознакомиться с местностью, товарищи летчики.

Мы смущенно молчали: генерал был прав.

Собрав «миги», мы облетали их, отстреляли оружие. Командование объявило нам готовность № 1.

Первый бой

Июль принес редкую в этих краях жару: солнце почти круглые сутки ходило над головой и жгло немилосердно. А на вершинах гранитных сопок сохранился снег. От его белизны веяло прохладой. Ниже на склонах сочная, свежая трава пестрела крупными золотисто-желтыми цветами. А у подошвы ярко зеленели низкорослые деревья. Их корни не могли уйти глубоко: промерзшая земля оттаивала только сверху, поэтому причудливо изогнутые толстые стволы стелились по земле.

Своеобразна и неповторима природа Заполярья! Но в эти дни нам, пожалуй, было не до ее красот. Фашистское командование бросило на Север многочисленную авиацию, отборные сухопутные и военно-морские силы, известные под названием группы «Норд», пытаясь прорваться к Кольскому заливу и захватить Мурманск. Но осуществить этот план фашистам не удалось. Наши войска остановили противника около реки Большая Западная Лица и на подступах к полуостровам Средний и Рыбачий.

Всего несколько десятков километров отделяли гитлеровцев от Мурманска, но они оказались для врага непреодолимыми. Фашистские войска топтались на месте, неся огромные потери в живой силе и технике. Однако враг оставался еще сильным и на земле, и в воздухе.

Нам страстно хотелось скорее включиться в боевую жизнь дружной североморской семьи.

Мой самолет находился в готовности № 1, когда в воздух взвились две зеленые ракеты — сигнал для летчиков, летающих на «мигах». Секунда — и винт самолета начал вращаться, еще мгновение — и техник, молоденький сержант Михаил Дубровкин, поднимает руку: путь свободен. Я вижу, как в воздух один за другим поднимаются еще пять самолетов. Их ведут командир группы капитан Кухаренко, опытный воздушный боец, награжденный двумя орденами Красного Знамени, капитан Полковников и мои друзья лейтенанты Соколов, Толстиков и Цибанев.

Я делаю разворот над аэродромом и пристраиваюсь к своей группе. В наушниках слышен голос командира полка:

— С набором высоты идите к Рыбачьему. Противник на высоте пять тысяч метров. Ведущий группы Кухаренко.

— Я — «Кама-2», — отвечает Кухаренко. — Выполняю!

Набирая высоту, наша группа стремительно летит к полуострову Рыбачьему.

— Я — «Кама-2», напоминаю: будьте внимательны, следите за воздухом.

Тщательно осматриваю воздушное пространство. В небе ни одного облачка. Значит, врагу скрыться негде. Все будет зависеть от того, кто кого раньше заметит. Стараюсь быть спокойным, но сердце бьется толчками сильно-сильно. Вот впереди показались едва различимые силуэты самолетов. Срывающимся голосом передаю по радио:

— Справа вижу группу самолетов...

— Атакуем! — приказывает Кухаренко.

Идем на сближение с противником. В районе Эйна-Губа кипит воздушный бой. На земле горят несколько сбитых самолетов. Но отвлекаться нельзя — перед нами вражеские истребители. Восемь «мессершмиттов», сделав правый разворот, уходят на запад. Неужели они не заметили нас? В наушниках звучит приказ:

— «Кама-2», атакуйте!

Машина Кухаренко стремительно врывается в строй самолетов противника. Следую за ней. Я — ведомый Кухаренко. Моя задача — прикрывать ведущего, не отставать от него. «Мессершмитт», за которым погнался Кухаренко, оттягивает нас на свою территорию, «Только бы не упустить! Только бы догнать», — думаю я. В этот момент мне кажется, что исход боя зависит от того, собьет ли мой ведущий вражеский самолет. И когда пули Кухаренко настигают машину врага и она, задымив, медленно снижается и исчезает в водах Мотовского залива, я от восторга чуть не подскакиваю на своем сиденье. Вот это здорово! Меня целиком охватило одно-единственное желание — уничтожить врага. Так хочется испытать свое оружие. Надо только выбрать цель.

Вдруг самолет вздрогнул: правую плоскость прошила пулеметная очередь; рядом со мной пронесся «мессершмитт» и начал набирать высоту.

Так вот кто это сделал! Не дам безнаказанно калечить мой самолет. Не уйдешь! И я, стиснув от напряжения зубы, забыв обо всем на свете, на предельной скорости догоняю врага. Дистанция большая, метров триста. Но в азарте не выдерживаю и открываю огонь. Мимо! Никак не могу ввести врага в перекрестие прицела. Пули идут выше, не задевая фашиста. Но наконец поймал! Даю пулеметную очередь и... Да, это точно, «мессершмитт», дымя, камнем идет вниз...

— Ура! Ура! — громко кричу я. Но тут же меня отрезвляет голос Кухаренко:

— «Кама-7», «Кама-7», где вы? Почему бросили меня? Я в

районе Ура-Губы. Высота три тысячи семьсот...

Сразу охладев, делаю энергичный разворот влево и иду со снижением к Ура-Губе. Смотрю вправо, влево. Никого нет. В районе Полярного — тоже никого. Где же наши? Еще раз осматриваюсь и вижу — меня догоняют «миги». Я пристраиваюсь к ним.

— «Кама-7», где вы пропадали? — спрашивает меня Кухаренко.

— Атаковал «мессершмитта».

— Так не воюют, — слышу я голос Сафонова со станции наведения.

Неужели это ко мне? А я-то чувствовал себя чуть ли не героем. Какой позор!

Расстроенный, я «промазал» посадочную площадку и приземлился метров на сто дальше.

— Командир вызывает, — сообщил мне подбежавший техник.

Возле командного пункта стоят Сафонов и Кухаренко. У капитана Сафонова совсем незнакомое лицо — суровое. Брови сдвинуты.

— Доложите, Сорокин, где вы были во время боя? — сухо сказал Сафонов.

— Товарищ капитан! Прикрывая ведущего, атаковал «мессершмитта», сбил...

— А где ваше место в бою? — ледяным тоном спросил командир эскадрильи.

Я чувствую, как кровь приливает к моему лицу.

— У нас, товарищ лейтенант, так не воюют. Вы же командира одного оставили!

Я смотрю в землю.

— Когда говорите с командиром, смотрите ему в глаза! — резко бросает Сафонов.

До чего же трудно смотреть в большие светлые, сейчас такие строгие и суровые глаза своего командира!

— Хорошо, что так обошлось, — продолжал он, — а могло быть совсем плохо: командира вы оставили одного, сами вступили в бой один...

— Такой подходящий момент был, — пытаюсь я оправдаться.

— Так не воюют, — еще раз строго повторил Сафонов. — Навсегда запомните это. За то, что сбили самолет противника, благодарю. За то, что нарушили устав и бросили в бою командира, пять суток ареста. На гауптвахте обдумайте свои действия и сделайте соответствующие выводы. Выполняйте.

...Через несколько дней, когда пришло сообщение о том, что подбитый мной «мессершмитт» упал в сопках, я был на аэродроме

и сразу отправился на командный пункт к Сафонову. Он встретил меня невесело.

— За эти дни мы потеряли троих... Они совершили вашу ошибку... Теперь, надеюсь, вы понимаете, что вас не сбили по чистой случайности? Запомните: боевая единица в воздухе — двое.

— На всю жизнь запомню, товарищ капитан! — искренне пообещал я. Мне было так больно и стыдно, что даже радость первой победы не могла заглушить эти чувства.

— Хорошо. Я буду наблюдать за вами... А что-нибудь не так — не разрешу подниматься в воздух.

В тот же день меня за ошибку крепко отчитал еще и комиссар эскадрильи Редьков. Плохо началась боевая служба у меня. Стыдно было вспомнить, как тогда, в воздухе, я радовался и гордился своим успехом, ждал всеобщего восторга... Да, теперь мне трудно будет завоевать уважение и доверие. Кто захочет летать с таким ведомым, как я, который бросил в бою своего командира?

На гауптвахте я много думал о том, как же все-таки получилось, что я ушел от ведущего. Мне очень хотелось сбить самолет противника, и когда неожиданно представился подходящий случай, я, не рассуждая, не думая о том, что Кухаренко останется без прикрытия, кинулся за фашистом. Забыл о том, что не имею права оставлять Кухаренко одного! Мы оба могли погибнуть. Сафонов прав.

Мне казалось, что товарищи недружелюбно, косо посматривали на меня. Они правы — я заслужил их порицание.

Да, первый бой многому научил меня.

Истребители идут наперехват

Неожиданно наступило затишье. Несколько дней гитлеровские самолеты совсем не показывались ни над морем, ни над сушей. Мы летали в глубокую разведку, но врага нигде не встречали.

Время тянулось медленно. Особенно для меня.

Я дал себе слово, что в ближайших схватках с врагом сделаю все, чтобы вернуть уважение Сафонова и товарищей. А тут, как назло, — затишье.

Но мы все время находились в готовности № 1, в ожидании «работы».

Так продолжалось до 19 июля. Этот день я запомнил на всю жизнь. Утром с командного пункта сообщили, что по направлению к нашему аэродрому летят самолеты противника. Мы должны были немедленно подняться в воздух и отразить налет врага. Но сигнала на взлет не было, и мы с нетерпением ждали появления ракеты. Минута, вторая... Нервы напряжены до предела. «Чего же мы ждем?» — думал я. Но вот зеленая ракета: «Мигам» идти в воздух».

Вылетели вчетвером: командир звена старший лейтенант Иван Кулагин, лейтенанты Николай Толстиков, Василий Цибанев и я.

Стремительно набираем высоту.

С земли передали:

— Самолеты противника идут с северо-запада.

— Вас понял, — ответил Кулагин, — выполняю.

Идем к Губе Грязной. Но где же гитлеровцы? Не ошиблись ли на земле? И тут же слышим взволнованный голос Николая Толстикова:

— Справа, ниже нас, вижу самолеты противника...

— Выполняйте мою команду, — предупреждает Кулагин и начинает набирать высоту.

Я ведомый, мое место за Кулагиным: я устремляюсь за ним. Моя задача — вести круговое наблюдение и прикрывать командира. Нет, теперь выдержки у меня хватит! Теперь никакие силы не оторвут меня от моего ведущего. Мы будем бить врага вместе.

Самолет Кулагина сваливается правым разворотом вниз. Мы летим за ним. У нас хорошая позиция: мы в хвосте у неприятеля со стороны солнца и подбираемся к нему все ближе и ближе. У фашистских самолетов по два киля, это «Мессершмитты-110». Они имеют два мотора и поднимают до четырехсот килограммов

бомб.

«Что же, узнаем сейчас, как сражаются хваленые «стодесятые», — думаю я.

— Идите плотнее друг к другу, — дает указание Кулагин. — Не отрывайтесь. Будем атаковать...

Один из неприятельских летчиков делает левый разворот, пытаясь уйти. Его атакует Цибанев, прикрываемый Толстикovým. Вражеский самолет ложится в правый вираж, но у него уже горит правая плоскость. Огонь лижет фюзеляж, и самолет переходит в отвесное пикирование. Остальные «мессершмитты» в панике. Строй их нарушен. Теперь они уже беспорядочно мечутся в воздухе. Один из них неожиданно подставил свой живот. «Не зевать!» — мысленно команду я себе и тотчас же беру фашиста в сетку прицела. Очередь, другая, и «мессершмитт» закоптил. Вслед за дымом появляется пламя.

Теперь я уверен — пули достигли цели. «Мессер» перевернулся и резко пошел вниз.

«Сбил! Сбил!» — ликую я.

В этот момент Кулагин дал несколько очередей еще по одному вражескому самолету. Очевидно, он убил летчика, потому что машина прошла немного вперед и вдруг, будто споткнувшись, рунулась вниз. Подбил фашистский самолет и Дмитрий Соколов.

«Вот что значит сражаться сообща, помогая друг другу», — твердил я себе.

Вдали виднелся Мурманск. А под нами, на сопках, горели три самолета, сбитые Кулагиным, мной и Цибаневым.

— Идем на аэродром, — командует Кулагин.

С набором высоты приближаемся к своей базе.

— Жду ваших приказаний, — запрашивает Кулагин командование.

С земли передают:

— Находитесь в воздухе. Обстановка спокойная.

Наше звено еще некоторое время дежурит над аэродромом. Потом нам дают команду:

— Вам — зима.

Это значит посадка.

— Дадим салют, — говорит Кулагин.

Проходя над аэродромом, даем салют победы из пушек и пулеметов.

Когда приземлились, докладываю Кулагину:

— В воздушном бою сбил «Мессершмитт-110».

— Видел... видел... Молодец! — улыбается он.

Командир полка объявил нам благодарность за своевременное обнаружение врага и инициативу в бою.

Я тут же поспешил разыскать Сафонова.

— Знаю, Сорокин, знаю, — сказал он, не дав мне доложить. — Убедились, что сражаться с врагом лучше вместе? Именно так и надо воевать.

В воздухе — Сафонов!

Борис Сафонов! Это имя с первых дней войны приводило в трепет вражеских летчиков. Даже опытные фашистские асы боялись встречи с ним. Казалось, его истребитель И-16 был неуязвим. Пули и снаряды нашего командира никогда не летели мимо цели.

Сафонов вступил в первый бой с неприятелем 24 июня 1941 года.

Случилось это в полдень. Над советским аэродромом в Заполярье взвилась первая боевая ракета. В воздух немедленно поднялся старший лейтенант Сафонов. Невдалеке от аэродрома он обнаружил немецкого разведчика «Хейнкель-111». Короткий бой — и фашистский стервятник нашел свою могилу на склонах полярных сопок. Боевой счет летчиков-североморцев был открыт. Боевые полеты Сафопова были всегда неожиданно смелыми. И это — одна из основных причин его постоянных успехов в воздушных сражениях.

Фашисты надеялись, что их многочисленная авиация будет господствовать в небе Заполярья. Но они ошиблись. Летчики Северного флота непрерывно наносили гитлеровцам удар за ударом. За первый месяц войны летчики-североморцы сбили свыше пятидесяти вражеских машин. Борис Сафонов уже в июле 1941 года имел на своем боевом счету десять сбитых самолетов. В первые дни августа он уничтожил еще пять неприятельских машин. Победы сафоновской эскадрильи умножались с каждым днем и даже с каждым часом. В воздушных схватках с врагом вырабатывался особый, сафоновский стиль воздушного боя. В чем же он заключался? Какими приемами должен был овладеть каждый летчик Северного флота?

На этот вопрос Сафонов отвечал:

— Постоянно искать боя, первым нападать.

В воздушной схватке от начала до конца он держал инициативу в своих руках. Сафонов всегда бил врага в упор, с близких дистанций — восемьдесят — сто двадцать метров, не больше. Бить врага по-сафоновски значило: бить точно, метко, наверняка. Летчики-североморцы почти всегда выходили победителями.

И вскоре на Северном флоте и за его пределами стали широко известны имена учеников Сафопова — Павла Орлова, Николая Диденко, Павла Климова.

С каждым днем росла боевая слава Сафопова. Он был прирожденным летчиком-истребителем. Скуп на слова и на

патроны. И этому учил пилотов своей эскадрильи. Сафонов был прекрасным воспитателем. Строгий и требовательный, он ввел жесткую воинскую дисциплину. Но летчики знали: к командиру всегда можно прийти с любым делом, с любыми сомнениями, и он очень внимательно выслушает обратившегося к нему и разговаривать будет не как с подчиненным, а как с другом, мысли и чувства которого ему близки и дороги. Сафонов постоянно отечески заботился о подчиненных.

— В эскадрилье не должно быть ни одного летчика, который бы сам не сбил самолет врага. Но не забывайте — враг добровольно не подставит свою машину под пули, ее надо уметь сбить, — подчеркивал он.

А сбивать вражеские самолеты было далеко не просто: выполнять боевое задание приходилось в исключительно суровых условиях. Штормы, туманы, снежные заряды грозили летчику гибелью.

В глухую полярную ночь при слабом свете холодной луны даже барражирование над заснеженными сопками требовало настоящего мастерства. И конечно, еще большего искусства требовал воздушный бой.

— Летать, воевать уверенно, хладнокровно, — учил Сафонов. — Нам страшиться не пристало, пусть фашисты боятся нас. Для них мы не просто летчики-истребители, мы — советские летчики. Они прекрасно знают, что любой из нас ради победы пойдет на все, вплоть до тарана. Начиная бой с одной мыслью — победить, и ты непременно победишь.

* * *

С линии фронта сообщили: над расположением советских войск появился корректировщик «Фокке-Вульф-189» — «рама», как обычно называли этот самолет. Внешне корректировщик действительно был похож на оконную раму, и большой скоростью полета он не обладал, но зато был весьма маневренным. Задняя полусфера корректировщика защищалась пулеметной установкой. Сбить такой самолет было нелегко.

На этот раз Сафонов взлетел вместе с Николаем Бокием. Младший лейтенант Бокий в эскадрилью прибыл месяц назад. В первых же воздушных боях показал себя способным и инициативным истребителем, хорошо ориентировался в воздушной обстановке.

— Глазаст чертенок, — сказал про него как-то Сафонов, — и цепок. Не зазнается — хорошим бойцом станет.

Николай рвался в бой. Он мечтал открыть счет сбитых фашистских самолетов. Ведомому не всегда удавалось драться с врагом. Основная задача ведомого — охранять ведущего, быть его надежным щитом. Бокий всегда помнил это. Борис Феоктистович отметил дисциплинированность молодого летчика с первых же боевых вылетов. А сейчас Сафонов решил предоставить Бокию полную самостоятельность.

— Только не горячитесь, Бокий, — напоминал Сафонов, — больше выдержки, хладнокровия.

Корректировщик кружился над позициями наших наземных войск на высоте полутора тысяч метров. Был он не один: метров на двести выше его летели два «Мессершмитта-109».

День выдался тихий, безоблачный, видимость была замечательная.

Николай Бокий обнаружил «раму», когда та легла в вираж. Он был зол. Еще бы, он — истребитель, ему бы встретиться с равным себе или еще лучше с бомбардировщиком, а тут всего-навсего «фокке-вульф»!

Но сбить «раму» оказалось не так-то легко.

Подавляя вспыхнувшее волнение, летчик-истребитель ринулся в атаку. Наперерез ему бросились «мессершмитты», но их отогнал Сафонов. «Фокке-вульф» волчком развернулся вокруг своей оси, и к самолету Бокия потянулась огненная строчка. Снаряды прошли над самой головой младшего лейтенанта. И странное дело: огонь с корректировщика успокоил молодого истребителя. В сетке оптического прицела показалась кабина фашистского летчика. Бокий дал очередь из пулеметов, но пули прошли мимо. Гитлеровский летчик резко положил машину на спину и ушел под самолет Николая Бокия.

— Не уйдешь! — Бокий так потянул на себя ручку управления, что даже потемнело в глазах.

И-16, повторив маневр «рамы», оказался у нее в хвосте. Сетку прицела закрыло полностью. Дистанция — сто метров. Бокий вновь нажал на гашетку электроспуска. От фонаря кабины стрелка «фокке-вульфа» полетели обломки. Стрелок замолчал, но «рама» вновь ускользнула. Фашистский пилот оказался опытным, ловким и хитрым.

А Сафонов, подбадривая молодого ведомого, неустанно вел бой с вражескими истребителями. И вот один из них загорелся и камнем рухнул вниз, другой трусливо ушел на запад.

Только с шестой атаки Бокий поджег мотор корректировщика. «Рама» вспыхнула, вошла в крутую спираль и, оставляя за собой клоки густого черного дыма, ударилась о скалистую сопку.

Бокий облегченно вздохнул. Однако радость первой победы была омрачена: долго пришлось провозиться с проклятой «рамой»!

— Весь боекомплект израсходовал, — смущенно сообщил он Сафонову уже на аэродроме.

Летчик ждал, что командир эскадрильи сейчас отчитает его за допущенные ошибки, но Борис Феоктистович, крепко пожав ему руку, улыбнулся:

— Молодец, младший лейтенант! От души поздравляю с победой! «Рама» — орешек не простой. Расколоть его с наскоку не всегда удается. Спросите Реутова, как он «расправлялся» с «рамой» месяца два тому назад. Атаковывал много раз. А «рама», хотя и подбитая, села на своей территории. Вас, Бокий, возьму теперь в любое воздушное сражение.

Николай был счастлив. Неожданная похвала командира говорила о многом.

Сафонов учил летчиков-истребителей каждый воздушный бой вести так, чтобы он вносил что-нибудь новое в боевой опыт морской авиации. Все устаревшие боевые правила воздушных схваток смело ломались сафоновцами. Гитлеровцы терялись, они не знали, что противопоставить нашей активной тактике.

Семь против пятидесяти двух

Небо прочертили две красные ракеты: сигнал дежурной группе самолетов подняться в воздух. Командир группы капитан Борис Сафонов первым вырывается на взлет.

Один за другим поднимаются в воздух летчики-истребители: Коваленко, Максимович, Животовский, Семененко, Соколов и я. Сафонов делает разворот влево и берет курс к линии фронта.

— Следуйте за мной! — приказывает он нам. — Немецкие бомбардировщики приближаются к линии фронта в районе реки Большая Западная Лица.

Какая сегодня низкая облачность — метров шестьсот, семьсот, не больше. Мы идем над самыми сопками Заполярья, маскируясь рельефом местности. Как только мы увидели Большую Западную Лицу, сразу же обнаружили первые группы «юнкеров». Мы разглядели их зеленые плоскости, разрисованные желтыми, белыми и черными полосами. Это был камуфляж: на значительном расстоянии фашистские самолеты сливались с фоном местности. До чего они были отвратительными с их полосатыми боками. Казалось, не самолеты летят, а ползут ядовитые гадины.

С земли радируют:

— Атакуйте самолеты противника!

— Все за мной! — скомандовал Сафонов.

Наши самолеты стремительно вошли в облачность. Я успел заметить, что за ведущей семеркой гитлеровцев шли еще несколько групп «юнкеров». Их прикрывали десятки «мессершмиттов». Да, бой будет жарким!

— Прикройте меня, атакую, — предупредил Сафонов и, дав полный газ, ринулся на ближнего «юнкера».

Первой же пулеметной очередью самолет врага был подбит. Охваченный пламенем, он, скользя, сбивал огонь с горевшей плоскости и в то же время старался уйти на запад. Но его попытки спастись были тщетны: потеряв управление, самолет разбился на одной из сопки.

Строй вражеских самолетов был нарушен. Бомбардировщики беспорядочно рассыпались в воздухе. А мы, окрыленные победой нашего командира, используя преимущество внезапного нападения, настигали груженные бомбами «юнкеры» и навязывали им бой. Вскоре Александр Коваленко — один из лучших учеников Сафонова — сбил Ю-88. Погнался еще за одним бомбардировщиком и Сафонов.

Напряжение боя росло. Даже десятые доли секунды вносили

изменения в расстановку сил. Главная наша задача — не дать возможности гитлеровским бомбардировщикам бомбить наши позиции — пока выполнялась успешно. «Юнкерсы» были связаны боем нашими истребителями, и им было не до бомбежки. Некоторые из них в панике освобождались от бомбового груза, сбрасывали его на свои же позиции.

Но вот на помощь бомбардировщикам подоспели «мессершмитты». Их было несколько десятков. Теперь нам пришлось избрать новую тактику.

Слышу, радирует Сафонов:

— Будьте внимательны. Не отрывайтесь, прикрывайте друг друга. — И тут же: — Внимание! Входим в облачность. Атакуем врага с разных направлений.

Все семь наших боевых машин исчезли в густых тучах. А тучи плывут низко-низко над землей. Маневрировать на такой высоте очень сложно.

Тактика неожиданных атак из облачности оправдала себя. Наши летчики вели только прицельный огонь, разили врага насмерть. Вот на хвост «мессершмитта» «сел» летчик Семененко. Мгновение — и в эфир несутся слова:

— Еще один стервятник пошел на тот свет!

Но не успел Семененко поделиться с нами радостью своей победы, как его атаковал другой «мессершмитт». Быстрым маневром Семененко ушел из-под удара врага, а «мессершмитт» нырнул вниз и неожиданно оказался прямо у носа моего «мига».

Я мгновенно нажал гашетку пулемета. Попал!

Фашистская машина загорелась, сделала «клевок» вниз, потом резко взмыла вверх. Но огонь уже завершал свое дело: пылающий «мессершмитт» грохнулся на скалы.

Еще одна победа!

Оглядываюсь: Сафонов связал боем двух стервятников. Его прикрывает Максимович. Сафонов не только сам ведет бой, но и одновременно командует всей группой.

— Атакуйте «юнkersы»! — слышим мы его голос в наушниках. — Не давайте им уходить! Бейте! Бейте!

Вражеские бомбардировщики, сбросив бомбы на свои войска, стремятся уйти на запад. Мы преследуем их.

Вот из облачности вынырнул самолет Животовского. Внезапная атака — и враг сразу пошел вниз. У самых сопот вражеский пилот пытался вывести самолет из пике, но это ему не удалось: машина врезалась в гранитную скалу.

У другого фашистского летчика, как потом выяснилось, оказались слабые нервы: когда один из наших самолетов атаковал его, он, что было мочи, завопил в эфир:

— Спасайтесь, мы окружены!..

Этот отчаянный вопль подлил масла в огонь — все оставшиеся невредимыми вражеские самолеты поспешили удрать в глубь своей территории.

— Бегут! Бегут! — ликовал я. — Нас семеро, а их не один десяток, и все-таки они бегут!

Возбужденные небывалым успехом, мы бросились преследовать врага, но Сафонов остановил нас.

— Пристраивайтесь ко мне, — приказал он. — Следуем на свой аэродром.

Трудно было остыть, очень трудно, хотелось догнать спасающегося бегством врага и уничтожить его. Однако командир был прав — у нас кончалось горючее. Мы еле-еле дотянули домой на последних каплях бензина. Над аэродромом произвели салют победы и, приземлившись, попали в объятия боевых друзей — техников и летчиков.

После шумных поздравлений Сафонов собрал нашу группу около своего истребителя.

— Произведем разбор боевого вылета.

Борис Феоктистович прежде всего напомнил нам о тактике внезапных атак из облачности с последующим уходом обратно в облака.

— Что такая тактика может дать хорошие результаты, сегодня мы на практике убедились. Внезапность атаки и маневренность привели к победе над врагом, в несколько раз превышавшим нас своей численностью. Победа у нас бесспорная, а все-таки я недоволен отдельными деталями нашего боя. Не все летчики сражались мастерски...

Неожиданно командир повернулся лицом ко мне. Большие серые глаза его смотрели на меня в упор.

— Вот вы, Сорокин, очень вяло делаете разворот при атаке. Это опасно, враг может вас «срубить». А осмотрительность и маневрирование ваше — умелое, вы вовремя дали очередь по фашистскому самолету и выручили товарища. Если бы не Сорокин, «сыграл бы в ящик» Семененко, — продолжал Сафонов, обращаясь к моему соседу. — И все из-за того, что прозевали одного «мессера». А вообще в бою действовали энергично, но осмотрительности не хватает. Низко держался во время боя Максимович, а ведь этим вы даете врагу возможность атаковать ваш самолет сверху, потому что у вас нет ни запаса скорости, ни запаса высоты. Учтите, товарищи: будете невнимательны в бою — придется «прогуливаться» над аэродромом.

Мы даже мысленно не могли возразить командиру, настолько верны и точны были его замечания. Мы только поражались, как

он, сражаясь в самой гуще вражеских эскадрилий, метко разя противника, успевал внимательно следить за каждым из нас, оценивать наши успехи, подмечать малейшие недостатки и даже анализировать их. Конечно, он — командир... Но сегодня был такой необыкновенный бой...

Сафонова вызвали к телефону. Звонил командир полка. Мы слышали, как Сафонов кричал в трубку:

— Есть! Есть! Некоторых я уже пробрал как следует!

Закончив телефонный разговор, Сафонов рассмеялся громко и весело. Обращаясь к нам, он сообщил:

— Командир полка слышал, как немцы орали, что их окружила североморская авиация. Их командование никак не может понять, как семь советских самолетов могли окружить пятьдесят два?!

На следующий день пришло сообщение из Москвы. Боевыми орденами были награждены многие летчики нашего полка, в том числе некоторые участники воздушного сражения семи против пятидесяти двух.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1941 года летчику-истребителю Борису Феоктистовичу Сафонову было присвоено звание Героя Советского Союза, а полк удостоен ордена Красного Знамени.

Так высоко оценило правительство нашу борьбу с врагом.

Советские летчики стали подлинными хозяевами в небе Заполярья.

Плечом к плечу

Летом в Заполярье бывают иногда чудесные дни — тихие, ясные, какие-то особенно мягкие, ласковые. Бледная синева неба словно изнутри освещена неярким северным солнцем. И море тихонько льнет к берегам.

В один из таких дней лета 1941 года к Мурманску приближались английские транспорты. На борту авиаматки находились в разобранном виде самолеты «Харрикейн» для североморских летчиков. Англичане должны были обучать нас полетам на этих машинах.

Мы узнали, что английские летчики сами собрали свои самолеты и летят в Заполярье.

Молодцы — такое мнение о наших новых товарищах было единодушным. Ведь предстояло принять их в свою среду, и, естественно, хотелось, чтобы они пришлись нам по душе, поддержали наши североморские традиции.

И вот этот их первый шаг, то, что они летят к нам, а не ожидают, пока их доставят сюда, вселил уверенность: руки, которые пожмем сегодня, принадлежат смелым людям. Мы будем сражаться против общего врага. Встретили мы их с искренним радушием. Но едва поздоровались с гостями, раздался сигнал боевой тревоги. Поневоле пришлось расстаться и поспешить на аэродром к своим истребителям.

На высоте шесть тысяч метров мы долго ожидали появления врага. Но по-прежнему спокойной была согретая солнцем синева неба. Наконец станция наведения сообщила, что фашистские бомбардировщики ушли в северном направлении к Баренцеву морю. Вскоре мы получили команду идти над морем севернее Полярного. Там в этот момент находился караван союзников.

Пока мы патрулировали над конвоем, другая группа самолетов прикрывала свой аэродром. Еще одна эскадрилья охраняла с воздуха разгружавшиеся в Мурманском порту транспорты. Там завязался бой с вражескими истребителями.

Возвратившись на свой аэродром, мы застали английских летчиков в кругу североморцев, свободных от полетов.

Издали донеслись чьи-то шутливые слова:

— Посмотрите, даже суровая северная природа подчинилась законам гостеприимства: ни одного облачка, и даль такая прозрачная, пожалуй, Лондон увидишь.

Улыбки на лицах англичан появились до того, как заговорил переводчик.

Вечером в честь гостей был устроен торжественный ужин в Доме Красной Армии.

В маленький городок Ваенга (сейчас он называется Североморск) приехали летчики из разных частей Северного флота. В просторном фойе ДКА на этот раз было тесно: здесь продолжалась дружеская беседа, начатая на аэродроме. Не окончилась она и за ужином. Английские летчики расспрашивали о наших победах в воздухе и на море, о подводниках, о морской пехоте... Нам же было интересно узнать, где и как сражались наши новые товарищи. В том, что они уже обстрелянные, сомневаться не приходилось. Грудь каждого из них украшали колодки боевых орденов.

Особенно много боевых отличий мы увидели у командира английского авиационного полка подполковника Эшервруда. Он был сравнительно молод, наверняка не старше тридцати пяти лет. Среднего роста, темноволосый, с тонкими чертами лица и спокойно-уверенным взглядом, Эшервруд производил впечатление волевого, решительного командира.

Лицо его заметно смягчилось, взгляд потеплел, когда он обменивался речами с Героем Советского Союза Борисом Сафоновым. Мы нисколько не удивились, узнав, что личный состав английского авиационного полка не захотел ограничиться инструктажем наших летчиков. Английские авиаторы во главе с подполковником Эшерврудом выразили желание сражаться вместе с летчиками-североморцами против гитлеровских захватчиков и послали ходатайство об этом своему командованию и командованию Северного флота.

Нет, мы не ошиблись — к нам прилетели настоящие друзья!

На следующий день мы начали знакомить английских летчиков с районом боевых действий. Дмитрий Соколов, Алексей Кухаренко и другие вылетели с англичанами к линии фронта.

Я получил задание лидировать группу капитана Росса. Это был невысокий худощавый блондин, тихий, незаметный, но, как выяснилось позже, храбрый и выносливый.

На своем скоростном «миге» я повел группу капитана Росса к реке Большая Западная Лица, по которой проходила тогда линия фронта. Как только под крылом моего самолета блеснула узкая лента реки, я заранее условленными эволюциями своей машины

показал, что находимся над линией фронта. Потом пролетел над ней с юга на север до полуострова Рыбачий. Там развернулся и пошел снова на юг, для того чтобы английские летчики хорошо запомнили этот район.

Замыкающий свою группу английский летчик рисовал в небе восьмерки. Я понял: это ему необходимо, чтобы лучше просмотреть заднюю полусферу.

Пора возвращаться на аэродром. Вдруг один из английских летчиков вышел вперед. Покачиванием с крыла на крыло он предупредил меня: «Справа появилась четверка «Мессершмиттов-109». Не ожидая моих действий, этот английский летчик помчался на врага. Мы устремились за ним. Мой «миг» вынесся вперед. Фашистские пилоты, увидев наше преимущество, удрали в западном направлении.

Мы вернулись на свой аэродром, и там капитан Росс жестами объяснил мне, что им приходилось форсировать моторы на своих «Харрикейнах», чтобы не отставать от меня, и просил впредь при совместных полетах держать меньшую скорость.

— А «миг» — гуд! Гуд! — добавил он, приветливо кивая.

Я знал, что наш «миг» — прекрасная машина, и все-таки дружеская похвала капитана Росса доставила мне большое удовольствие.

С каждым новым вылетом, с каждым новым воздушным боем крепла дружба советских и английских летчиков.

Однажды летчик-истребитель Иван Кулагин вылетел вместе с группой майора Рука. У линии фронта завязался бой.

Кулагин увлекся боем и не заметил, как к нему подкрался истребитель врага. Тогда сержант Хоу поспешно вырвался вперед и показал покачиванием с крыла на крыло Кулагину, чтобы он лег в вираж. В этот момент один из английских летчиков настиг вражеский самолет, заходивший в хвост машине Кулагина, и поджег его. Фашистский истребитель, оставляя за собой черный шлейф дыма, упал на гранитные скалы.

Замечательное настроение было в тот вечер у всех нас — североморцев и англичан!

На другой день, когда наши истребители вместе с английскими летчиками возвращались с боевого задания, из-за сопки выскочили два «Мессершмитта-109» и атаковали летчика Мухина. Капитан Росс быстро и мастерски отразил их атаку и выручил Мухина.

Мы тоже не оставались в долгу. Во время воздушного боя над линией фронта на майора Рука свалилась четверка «мессершмиттов». Капитан Кухаренко вместе с ведомыми бросился ему на помощь и атаковал вражеские самолеты.

И в дальнейшем мы не раз выручали друг друга. Английские летчики стали нашими настоящими боевыми товарищами. Здесь, в суровом Заполярье, над свинцовыми волнами Баренцева моря, над гранитными сопками, каждый из нас защищал свою Родину — Москву и Лондон — в этом мы были твердо убеждены.

Свободное от полетов время русские и английские летчики часто проводили вместе. Пока стояли теплые дни, бродили по лесу, собирали грибы, морошку. Не раз возвращались после дальних прогулок с огромными букетами удивительно красивых северных цветов. Цветы напоминали о доме, о мирной жизни. И невольно тянуло к откровенности друг с другом. В такие минуты мы доставали из тайников дорогие сердцу фотографии.

Каждому, конечно, казалось, что его жена, невеста или любимая девушка самая лучшая, самая красивая.

Мы заочно познакомились с семьями новых боевых друзей. Искренне, от души звучали их приглашения приехать погостить в Англию. В ответ мы так же искренне обещали побывать у них, так же радушно приглашали к себе: в Москву, в Ленинград, в Сибирь, на Украину... Словом, туда, где собирались жить после окончания войны.

* * *

Английские летчики увлекались футболом. И даже здесь, в суровой обстановке постоянных воздушных боев, они не отказались от своего любимого спорта. Приспособились играть в футбол на аэродроме. Самолеты, поставленные один против другого, заменяли нам ворота, и голкиперы обеих команд не возражали против такой небывалой в истории футбола «вольности». Что же касается других игроков, то они играли с большим азартом, чем английские студенты, защищавшие на футбольном поле честь своего колледжа.

Один матч следовал за другим. Англичане долго не уходили с «футбольного поля», но по сигналу тревоги «футболисты» моментально поднимались в воздух. Сражались они с еще большим азартом.

Около сорока фашистских самолетов сбили в Заполярье английские летчики. За мужественную борьбу с общим врагом наше правительство наградило их боевыми орденами и медалями Советского Союза.

А группа советских летчиков получила ордена Британской империи. В числе награжденных был и я.

Североморцы не раз говорили:

— Если бы все англичане были такими же смелыми, честными союзниками и так же стремились бы к общей победе, как наши друзья — британские летчики, тогда, конечно, меньше пролилось бы крови на земле и скорее был бы уничтожен фашизм.

Много лет прошло с тех пор, но память о днях войны свежа. Разве можно когда-нибудь забыть то, что пережито в небе Заполярья? И фронтовую дружбу никогда не забудешь: ведь во время боя смерть летала рядом с нами. Зато в короткие минуты отдыха мы умели радоваться каждому цветку, теплему солнечному лучу, чистому холодному снегу... Родовались вместе с англичанами. Ведь мы боролись за мир и счастье всего человечества!

Самолет не вернулся

В октябре на Кольском полуострове уже настоящая зима. Вместе с ней приходит полярная ночь. Земля плотно окутывается снегом, начинаются сильные морозы, налетают снежные заряды. Мне, привыкшему к южному климату, такая ранняя и суровая зима была в диковинку. В Крыму октябрьское солнце еще щедро греет землю, море. Страшно и больно было думать, что враг захватил Крым, что сейчас там идут кровавые бои.

В небе Заполярья тоже не утихает гул воздушных сражений. Немногим больше трех месяцев идет война, но многие североморские летчики уже отличились в воздушных боях с врагом. Число сбитых машин со свастикой и черными крестами неуклонно растет.

Я старался не отставать от своих боевых товарищей и уже имел на своем счету шесть вражеских самолетов. Получил первую правительственную награду — орден Красного Знамени.

Трудно найти слова, чтобы рассказать, как я обрадовался такой высокой оценке моих боевых действий. В первые дни, получив награду, я вел себя совсем как мальчишка: не мог налюбоваться на свой орден. Когда ложился спать, смотрел на него, когда просыпался «здоровался» с ним. Если в землянке, кроме меня, никого не было, поспешно вешал на спинку стула свой парадный китель с привинченным к нему орденом, сверху ставил фуражку... остальное дорисовывало воображение...

25 октября 1941 года по боевой тревоге я и мой друг Дмитрий Соколов поднялись в воздух. Мороз был крепкий. Сильный ветер сдувал толстый снежный покров с гребней промерзших скал, и они густо чернели на белом фоне. Под плоскостями самолета мелькали замерзшие озера и реки, низкорослые северные кустарники и в беспорядке разбросанные гранитные валуны...

Вскоре привычная картина исчезла из поля зрения: мы попали в облачность и стали пробиваться вверх... Первый ярус кучевых облаков остался позади. Высота более шести тысяч метров. И тут ниже нас неожиданно появились четыре «Мессершмитта-110». Несомненно они направлялись к Мурманску!

Мы немедленно пошли на сближение с противником. Вот уже виден желтый камуфляж фашистских самолетов, черные кресты на плоскостях.

— Идем в атаку! — передал я ведомому и с высоты ринулся на головной самолет вражеского звена.

Несколько мгновений — и «мессер» попал в сетку прицела. Даю длинную пулеметную очередь по мотору и по кабине летчика. Из мотора вырвался дымок, через минуту «мессершмитт» загорелся и начал быстро терять высоту.

Один есть! Но как быть с остальными? Надо скорее, пока они не пришли в себя, вновь атаковать их. Я рванул свой самолет влево и пристроился ко второму «мессершмитту». За третьим стремительно гнался Соколов. Но только успел поймать «мессер» в сетку прицела, как из облаков вынырнул еще один гитлеровский самолет. Даю короткие пулеметные очереди. Мимо! А патроны уже все. Что делать? На этот вопрос я не успел себе ответить: вражеские пули хлестнули по плоскости и кабине самолета, и в ту же секунду я почувствовал тупой удар в правое бедро.

«Ранен», — пронеслось в моем сознании. Решаю: раз боеприпасов нет, пойду на таран. Не дам уйти врагу!

Увеличив обороты мотора, лечу наперерез фашисту. Быстро приближается вражеский самолет. Вот он уже совсем рядом... Решаю бить по хвосту. Резкий удар — и меня едва не выбросило из кабины. Винтом своего самолета я обрубил хвост «мессеру», и он упал камнем на сопки.

Но и мой самолет был сильно поврежден, он дрожал, словно в лихорадке. А я не знал, как помочь ему, как его «вылечить». Неожиданно забрав влево, самолет сорвался в штопор. С большим, очень большим трудом я вывел его из этого опасного положения.

Невероятно быстро бегут навстречу сопки и крутые гранитные скалы. Куда же садиться? В длинном извилистом ущелье вижу небольшое замерзшее озеро. Решаю — только здесь. Чтобы предупредить пожар, который мог возникнуть при ударе, выключаю зажигание и перекрываю краны бензобаков. Очки поднимаю на лоб, левой рукой упираюсь в передний край кабины.

Сел на лед, не выпуская шасси. Машина, пробороздив глубокую канаву, остановилась. В кабину ворвался горячий пар: радиатор порядком помялся при приземлении.

Открыв колпак кабины, с облегчением вдохнул чистый морозный воздух и вдруг услышал рокот мотора: над озером на бреющем полете пронесся Дмитрий Соколов.

«Спасибо, друг!» — подумал я.

Дмитрий кружил надо мной до тех пор, пока не разыгралась снежная пурга. Последний раз качнув крыльями, он улетел за сопки. Я долго провожал его взглядом.

Теперь я остался один, рядом — покалеченная машина... Что предпринять?

Пурга неожиданно утихла. За Полярным кругом такое бывает. Снежные заряды периодически налетают один за другим. Последний ли это заряд? Или через несколько минут тучи снега с еще большей силой обрушатся на землю?

Надо было использовать минуты затишья, выбраться из кабины.

Но что это? Собачий лай? Оглянувшись, увидел: к моему самолету, высоко выбрасывая лапы, неся огромный дог. «Неужели близко населенный пункт?» — пронеслось в голове. Я инстинктивно захлопнул колпак. И вовремя! Через стекло на меня смотрела клыкастая собачья морда. И тут я сообразил, в чем дело. Мы знали, что некоторые немецкие летчики летают со служебными собаками.

Значит, где-то рядом приземлился сбитый фашистский самолет. Выход оставался один. Вытащив из кобуры пистолет, осторожно приоткрыл колпак и два раза выстрелил в собаку. Дог взвыл и забился на снегу, оставляя кровавые пятна.

Только теперь я разглядел, что у подножия сопки, на льду озера, зарывшись левой плоскостью в снег, лежал «Мессершмитт-110». Случилось так, что подбитый мной в начале боя фашистский самолет сел там же, где пришлось приземлиться мне. Только на войне это может быть.

Но возможно, фашистский экипаж погиб?

Словно в ответ, морозный воздух разорвал выстрел. К моему самолету, проваливаясь в снегу, неуклюже двигалась темная фигура в летном костюме. Раздалось еще несколько выстрелов. Я вылез из кабины и, присев за плоскостью самолета, прицелился в гитлеровца. Выстрел — и вражеский летчик схватился за живот, но устоял на ногах. Еще выстрел — и он, покачнувшись, свалился в снег.

Потемнело — снова налетел снежный заряд. Колючий снег охлаждал лицо, боль в бедре немного утихла. Нужно добираться к своим. Но как? Я не знал, далеко ли до наших позиций. Пока раздумывал, снежный вихрь пронесся, немного посветлело. Я взглянул в ту сторону, где стоял «мессершмитт», и вдруг... Что это такое? Перебегая от одного валуна к другому, ко мне приближался второй вражеский летчик. Потом сообразив, что незаметно подойти ко мне не удалось, он начал стрелять. Завязалась перестрелка. В густом сумраке полярной ночи трудно попасть в цель. Мы оба оставались невредимыми, а пули, высекая искры, со скрежетом ударялись о гранитные валуны и рикошетом отлетали в снежные сугробы.

Перестрелка длилась до тех пор, пока гитлеровец не растратил все патроны. Тогда он поднялся из-за валуна и на

ломаном русском языке закричал:

— Рус, сдавайся! Рус! Не уйдешь!

Не помня себя от злости и ненависти, я двинулся навстречу врагу. Идти по глубокому снегу было тяжело. Мешала раненая правая нога. И все же мы медленно сближались. Уже было ясно видно лицо врага. Фашист тяжело дышал, выкрикивая ругательства, и злобно сверкал желтоватыми белками. На указательном пальце правой руки, сжимавшей рукоятку финского ножа, сверкнул золотой перстень. Этот перстень вызвал у меня приступ бешенства. Я поднял пистолет и нажал на курок. Осечка. И в тот же миг фашист прыгнул на меня, взмахнул финкой, я почувствовал острую боль. Удар пришелся в лицо. Упав навзничь, я потерял сознание.

Пришел в себя от недостатка воздуха... Сильные цепкие пальцы фашиста сдавили мое горло. Еще немного — и он задушил бы меня! Напрягая последние силы, рванул гитлеровца за руки. Дышать стало легче. Еще один рывок — и фашист отлетел в сторону...

Обессиленные, мы мгновение лежали на снегу, потом, одновременно вскочив, бросились друг на друга. Опередив фашиста, я ударил его в живот. Он дико закричал и во весь рост растянулся на льду. Я вспомнил о своем пистолете и оглянулся: шагах в трех от меня лежал мой ТТ. Не сводя глаз с фашиста, пятясь, я нащупал пистолет, успел выбросить из ствола патрон, который дал осечку, и в тот момент, когда гитлеровец вновь бросился на меня, выстрелил в грудь фашиста.

Теперь все!

Отполз в сторону, прислонился спиной к гранитной скале. Силы иссякли окончательно. Меня била мелкая отвратительная дрожь. В голове горячий туман. Мелькают эпизоды воздушного боя, вынужденная посадка, рукопашная схватка, выстрелы. Нестерпимо болело залитое кровью лицо. Видеть я мог только одним глазом. Мучительно ныла раненая нога. Ветер рвал полы расстегнутого реглана, мороз леденил тело. Самое главное сейчас — не потерять сознание, иначе смерть. А я должен, должен жить! Но смогу ли я, израненный, ослабевший, пройти по сопкам несколько десятков километров?

...В кармане куртки нащупал патроны и плохо повинующимися пальцами зарядил пустую обойму пистолета — нельзя оставаться безоружным. Горсть снега, приложенная к пылающему лицу, немного освежила меня. Вспомнив, что у меня в кармане есть небольшое зеркальце, вынул его и взглянул на себя при свете карманного электрического фонарика. Финкой фашист вспорол правую щеку, выбил передние зубы. Рана вспухла

и покрывалась запекшейся кровью.

Теперь, пока есть силы, надо немедленно двигаться в том направлении, куда ушел самолет Соколова. Я взял из кабины бортовой паек, ракетницу с ракетами, наглухо закрыл колпак, постоял минуту, прощаясь с машиной.

Разложив по карманам печенье, галеты, банки с мясными консервами, шоколад, маленькие бутылочки с коньяком, задумался: а нужно ли мне все это? С разбитыми челюстями вряд ли смогу есть. Коньяк — другое дело, он поддержит силы на морозе...

Нет, пока хватит сил, буду нести. До наших позиций километров семьдесят, в моем состоянии для этого потребуется не один день.

Несколько часов, почти не отдыхая, я двигался вперед. Ветер, разогнав снежные тучи, утих. В небе мерцали редкие звезды. На глазах у меня небосвод вдруг окрасился в ярко-лиловый цвет и по нему забегали, затанцевали быстрые, как молнии, зеленые лучи. Их становилось все больше и больше. Вскоре потоки зеленоватого цвета переплелись между собой, образовав сияющую корону, и тут же погасли. А небо пылало малиновым огнем, и снова замелькали, скрещиваясь, лучи — синие, золотистые.

Это было северное сияние. Я видел его впервые и невольно залюбовался... Потом небо внезапно потемнело. Подул сильный, порывистый ветер. Снежные заряды слепили глаза, затрудняли дыхание.

С каждым часом становилось все холоднее. Мелкий снег, жгучий, как раскаленные опилки железа, бил по лицу, проникал за воротник, леденил тело. Я упрямо двигался вперед, стараясь не терять направления. Тяжело ступая на раненую ногу, карабкался на сопки по глубокому снегу. Достигнув вершины, немного отдыхал и снова в путь.

Вокруг все тот же унылый пейзаж: сопки, гранитные валуны, ущелья, неглубокие замерзшие речки, чахлые карликовые березки и снег, снег, без конца снег... Лицо горело от раны, от мороза, израненную щеку так нестерпимо ломило, что временами забывалась боль в ноге. «Надо идти! — без конца твердил я себе. — Вот добреду до валуна, спрячусь за него и отдохну. А теперь надо дойти вон до той березки. Но на пути к ней сопка. Что ж, придется карабкаться». И так без конца — валуны, березки, сопки...

Ночные сумерки растаяли. Наступил короткий полярный день. Сколько километров осталось позади — два, пять, десять?.. Не знаю. Хватит ли сил? Доберусь ли до своих? Должен дойти. Меня там ждут, беспокоятся.

Кругом все мертво, ни одного заметного ориентира, чтобы определить пройденный путь. Да и силы иссякли. Захотелось есть. Достал плитку шоколаду, отломил небольшой кусочек, положил его в рот и вскрикнул от нестерпимой боли: и верхние и нижние зубы почти не держались в кровоточащих деснах. Ясно, есть не могу. Зачем же нести лишнюю тяжесть? Взяв с собой лишь шоколад, я выбросил на снег остальную еду. Идти стало легче. Но ненадолго.

Опять наступила ночь. Чувствую, смертельно хочу спать. Нет больше сил идти — и все. И стоило мне на минуту остановиться, как метель убаюкивала, а сознание сразу уплывало куда-то. Лечь бы сейчас, вытянуть усталые ноги. Или хотя бы посидеть немного.

Но я хорошо знал: если сяду — усну. А усну, — значит, никогда не проснусь... Нет! Надо идти!

Невольно подумалось: я никогда так долго не был в полном одиночестве... Вокруг только снег, лед да камень. И метель воеет, почти не затихая. Шаг за шагом двигался я вперед, к морю. Шли третьи сутки мучительных странствий. Глубокой ночью я почувствовал, что рядом есть какое-то живое существо. Кто бы это мог быть? Невольно остановился, рука потянулась к пистолету. Напряг зрение — в двух шагах от меня стоял большой полярный волк.

Прислонившись к стволу березы, я поднял ракетницу и выстрелил в хищника. Волк испуганно попятился и рысью ушел за сопки. Больше я его не видел.

Идти становилось все тяжелее. Притупились все чувства. Даже голод перестал мучить.

Однажды мне показалось, что я слышу шум мотора. Поднял голову. По небу неслись низкие снежные облака. Ошибся? Нет! Отчетливо слышен рокот мотора. Может, это меня ищут? Соколов, конечно, сообщил обо мне на аэродроме... Но разве увидишь с самолета одинокого человека в бескрайней, занесенной снегом тундре.

Гул мотора долго стоял в ушах. С трудом собрав все силы, я заставил себя не обращать на него внимания.

...Пошел, кажется, четвертый день моего пути. Совсем не беспокоит голод. Но очень хочется пить. Добравшись до незамерзшей горной речушки, я долго, жадно пил, черпая пригоршнями ледяную воду. Речушка впадала в озеро, покрытое льдом. Машинально ступил на лед, прошел несколько шагов. И не успел опомниться, как провалился по пояс в студеную воду.

Еле выбрался на берег. Бурки и брюки промокли, отяжелели, покрылись ледяной коркой. Сразу почувствовал — замерзаю. Выпил коньяку, но тепло не приходило. Нужно развести костер. С

трудом наклоняясь, собрал кучу сухого валежника и выпустил в нее последние ракеты. Но все мои старания были напрасны: валежник не загорелся.

Оставалось одно — идти. От холода уже не чувствовал своего тела. Шел долго, ни о чем не думая, осторожно переставляя ноги. Мои ступни, наверное, примерзли к буркам: я не чувствовал их. Когда окончательно обессилел, передвигался ползком. «Вперед, только вперед, — повторял я себе. — Надо бороться! Надо жить!...»

...На шестые сутки услышал приглушенный расстоянием звук сирены боевого корабля. Из последних сил взобрался на вершину сопки. Передо мной открылась темная полоса залива, вдали виднелся дымок кораблей. Нет, это был не мираж!

Немного успокоившись, я рассмотрел небольшую избушку на скалистом берегу залива. Возле нее прохаживался какой-то человек. Я вынул пистолет и, зажав его в правой руке, пополз к домику. Ближе, ближе... Возле самого домика сделал попытку подняться. Человек в полушубке повернулся ко мне, вскинув автомат:

— Стой! Кто идет?

Я сорвал с головы шерстяной шарф и через застилавший глаза туман увидел под башлыком бескозырку со знакомой надписью «Северный флот». Что было дальше, помню очень смутно.

В госпитале

— Вы старший лейтенант Сорокин?

Я очнулся от осторожного прикосновения чьих-то рук к ране на лице. Открыл глаза. Моряк-артиллерист еще раз громко спросил:

— Вы старший лейтенант Сорокин? Сейчас сообщу о вашем возвращении, — заторопился командир. Ему явно хотелось отвлечь меня от тяжелых мыслей. — Сначала позвоню в штаб флота, надо как можно скорее отправить вас в госпиталь. А пока отдыхайте у нас.

Командир долго добивался связи со штабом флота. В это время два дюжих моряка и врач пытались снять с меня бурки. Но это им не удалось: бурки примерзли к ногам. Тогда врач осторожно разрезал голенища и шерстяные носки. Осмотрев мои ноги, которые, как колодки, упали на пол, врач покачал головой: обморожение третьей степени.

Подошел командир дивизиона.

— Сейчас за вами придет тральщик. Он доставит вас в госпиталь.

Через несколько минут в домик вошли с носилками двое санитаров в белых халатах.

— Прибыли за раненым, — доложил один из них.

— Забирайте, — ответил врач. — Только несите осторожнее: раненый в тяжелом состоянии.

И вот я в городе Полярном, в военно-морском госпитале. Отсюда недалеко до аэродрома, на котором несут боевую службу мои друзья, летчики-сафоновцы. Всего тридцать пять километров разделяют нас.

Не мешкая ни минуты, меня раздевают, отбирают пистолет, возвращают шоколад. Зачем он мне? Сказать я не успеваю: от усталости, волнений, потери крови теряю сознание.

Сколько времени прошло, не знаю. Пришел в себя на операционном столе. Пожилой хирург зашивал рану на лице. Я снова впал в забытие... А очнулся, услышал возбужденные голоса. Открыл глаза и увидел Бориса Сафонова, комиссара полка Пронякова, техника Родионова и Диму Соколова.

Сафонов крепко пожал мою руку. Мне хотелось поговорить с боевыми друзьями, но врач, находившийся в палате, категорически запретил это делать.

— После любой, даже самой легкой операции нужен покой, поэтому не затягивайте свидание, — предупредил он моих гостей.

— Выздоровливай, Захар, да поскорее к нам возвращайся. Мы

ждем тебя, — прощаясь, сказал Сафонов.

В этот же день меня навестили командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головкин, член Военного совета А. А. Николаев, начальник политуправления Северного флота Н. А. Торик, начальник военно-воздушных сил Северного флота А. А. Кузнецов и поэт А. Жаров.

— Флот гордится вами, — тепло сказал адмирал Головкин, присаживаясь на табурет около моей койки. — Врачи сделают все возможное, чтобы спасти вам ноги. Будьте мужественны, наберитесь терпения — этим вы ускорите свое выздоровление...

— Товарищ командующий, а летать мне разрешат?

— Не беспокойтесь. Я буду следить за вашим выздоровлением.

Теперь я готов был на все. Все вытерплю! Только бы летать!

...Потянулись бесконечные дни и ночи в госпитальной палате. Я понимал, что не так-то легко вернуть искалеченного человека в строй, нервничал, плохо спал по ночам.

С жадностью читал и перечитывал центральные и местные газеты. Напряженные бои шли по всему фронту от Черного до Баренцева моря. Мои товарищи по полку дрались с врагом, не жалея сил и даже жизни, а я... И что скрывать, были у меня минуты сомнений: удастся ли мне вернуться в боевую семью североморцев?.. Мое тревожное настроение несколько рассеивалось, когда ко мне в палату приходили друзья. Каждый раз задавал им один и тот же вопрос:

— Ребята, как по-вашему, смогу я летать?

— Конечно будешь, — успокаивали они.

— Еще не одного фашиста загонишь на тот свет!

Но тут пришла беда, большая беда. Она чуть было не выбила меня из жизненной колеи. Совершенно случайно я услышал начало разговора моего лечащего врача майора Ласкина с главным хирургом Северного флота профессором Дмитрием Алексеевичем Араповым.

— Ступни Сорокину, очевидно, придется ампутировать, — огорченно сказал Ласкин.

— Не дам! Не дам! — громко закричал я и заметался на койке.

Доктор Ласкин принялся меня успокаивать.

Мне было стыдно за несдержанность, но говорить с доктором спокойно я все же не мог. Ком стоял в горле и душил сильнее, чем когда-то душили меня волосатые руки фашиста там, на льду замерзшего озера.

Майор Ласкин понимающе смотрел на меня своими большими и очень добрыми глазами. Я верил, что он готов

сделать все, чтобы только помочь мне снова стать летчиком. Верил ему, но...

Как всегда, в палату стремительно вошел профессор Арапов, высокий, стройный, в ослепительно белом халате. Такая же белая шапочка прикрывала его темные с проседью волосы. Много горя и крови видел он в эти дни! И все-таки сердце его не огрубело. И откуда только брались у него силы откликаться на каждое новое несчастье совсем незнакомых ему людей?

— Нужно соглашаться, Сорокин, на операцию, — как-то потечески мягко сказал Арапов. — Ампутуруем только ступни. Иначе — через неделю придется отнимать по колено.

Ласкин молчал, выжидающе смотрел на меня.

Я понял, что спасти мои ноги нельзя. Без операции не обойтись. Через силу выдавил:

— Как же я летать буду?

Арапов смотрел куда-то мимо меня, в угол палаты.

— А разве обязательно летать? В жизни столько дорог. Вы же молоды!

— Я летчик... Все равно буду летать...

— Поймите, — еще мягче сказал профессор, — разве я не хочу, чтобы вы летали. Поправитесь — будете воевать. Все от вас зависит... Ничего еще не потеряно.

Я молча кивнул в знак согласия: сказать что-либо не было сил.

В тот же день меня оперировали.

Кажется, все — отлетелся.

Но нет, я не сдамся. Ведь ампутированы только ступни. Я буду ходить, как все здоровые люди. И не только ходить — буду летать! Обязательно буду летать!..

* * *

Два месяца я пролежал в госпитале в Полярном. А сколько еще придется лечиться?

Врачи успокаивали: месяца через три-четыре вновь встанете на ноги. Легко сказать «три-четыре месяца»! Но их обещанию хочется верить. Ради этого можно все вынести.

Последний прощальный взгляд на море — неприветливое, хмурое, студеное и все-таки близкое и родное... Тяжело!

Вот уж никогда не думал, что всей душою прирасту к этому суровому краю. Видно, кровь, пролитая здесь, крепко породнила меня с Заполярьем!

Машина мягко тронулась с места, шофер бережно повел ее на

аэродром. Там меня ожидали мои боевые друзья: Сафонов, Адонкин, Реутов, Алагуров, Соколов, комиссар полка Проняков, техник Родионов, инженер эскадрильи Круглов, инженер по вооружению Соболевский. Меня засыпали подарками. До вылета оставались считанные минуты, поэтому разговор наш был коротким, отрывистым, а как много хотелось сказать и еще больше услышать...

— Надеемся увидеть тебя за штурвалом, — сказал мне Сафонов.

Все поддержали его. И я твердо решил: вернуться в североморскую авиацию.

Командир самолета Бахтинов подал команду на взлет. Самолет качнулся и после короткой пробежки поднялся в воздух. Я попросил Бахтинова сделать прощальный круг над аэродромом.

До свидания, родные! Мы еще встретимся!

Самолет лег курсом на Архангельск. Внизу мелькали заснеженные сопки. А вот и покрытое льдом Белое море. Над морем летим на небольшой высоте и делаем посадку на промежуточном аэродроме — остров Ягодник. Здесь узнаем, что сегодня вылеты на Киров запрещены. Приходится ждать следующего дня.

Посадку совершаем на аэродром, который находится на окраине города. Не успели еще заглухнуть моторы самолета, как к нему подъехала санитарная автомашина.

Госпиталь находился в центре города, в здании бывшей гостиницы. Меня поместили в пятнадцатую палату хирургического отделения.

...Началась больничная жизнь... Одолевали тяжелые думы: когда-то выпишусь отсюда? И снова подбиралась тоска.

Рядом кашлянул кто-то. Я повернул голову: на меня смотрели светлые веселые глаза, лицо расплывалось в улыбке.

— Захар!

— Борька!

Конечно, это Борис Щербаков, мой давнишний друг, с которым я учился в летном училище в Ейске. Вот где пришлось нам свидеться!

— Как ты попал сюда, Захар? Что у тебя? С ногами неладно?

— Да. Отрезали обе стопы, не летать мне больше...

— Ты счастливчик, Захар, по сравнению со мной: сделают тебе протезы и полетишь. А я уж никогда не сяду за штурвал... Навсегда отлетелся!

Из его скупого рассказа узнал, что в одном из воздушных боев Бориса ранило в ногу разрывным снарядом. Началась газовая гангрена. Выхода не было: чтобы спасти жизнь, пришлось

ампутировать ногу выше колена.

— А ты будешь летать, Захар, будешь!

— О безногих летчиках разве ты слышал, Борис? Нет? Наверное, таких летчиков никогда не было. Летчик без ног все равно, что баянист без пальцев. Теперь меня и близко к самолету не подпустят. Так ведь?

Но Борис не соглашался со мной, он возражал, горячо спорил, убежденно доказывал, что я обязательно вернусь в авиацию, полечу! Спасибо другу за поддержку в очень трудную минуту.

Однажды в нашу палату пришли несколько врачей в белых халатах поверх военной формы. Профессор Соловьев, высокий пожилой человек с умными насмешливыми глазами, внимательно прочитал мою историю болезни и, осмотрев меня, сказал:

— Не горюй, истребитель, вылечим тебя. Покажем твои ноги профессору Дженалидзе. Возможно, будем пересаживать кожу на отмороженные места...

* * *

Вскоре профессор Дженалидзе сделал мне семь пересадок.

— Хоть убейте! — кричал я в исступлении. — Но резать себя больше не дам... Я летать хочу!

— Будете летать, молодой человек, — терпеливо отвечал профессор. — Только нужно слушаться врачей...

Очень подвижной, всегда подтянутый, Дженалидзе умел отвлекать от мрачных мыслей, вселять веру в свои силы. И я старательно выполнял все его предписания.

Все чаще мечтал я о возвращении в свою часть. Ради этого не отказывался ни от одного средства, принимал любое лекарство. Только бы скорее покинуть госпиталь!

Как-то мне сказали, что отличное лекарство — солнце, и теперь санитары ежедневно спускали меня со второго этажа, и все свободные от процедур часы я просиживал на крыльце госпиталя, греясь на солнце.

Почти каждый день приходили письма от боевых друзей. В этих письмах было немало хорошего. Случалось, доставляли они мне и тяжелые минуты... Я понимал: война без жертв не бывает. Но понимать одно, а примириться с тем, что гибнут близкие люди, тяжело...

В начале июня товарищи сообщили мне, что в воздушном бою погиб наш любимый командир Борис Феокистович Сафонов.

Погиб Сафонов! Невозможно этому поверить! Молодой,

жизнерадостный, талантливый... Боевыми подвигами Сафонова, его исключительным мастерством летчика-истребителя восхищались не только мы, североморцы, но и вся армия, вся страна. И вот его нет... Тяжелыми были эти июньские дни 1942 года. Долго я не мог прийти в себя после этого трагического известия.

Еще сильнее стало желание как можно скорее вернуться в родной полк, чтобы отомстить фашистам за гибель командира. Сбитые самолеты врага — лучший памятник Сафонову.

Пришлось заново учиться ходить... Но до настоящей ходьбы было еще далеко. Постепенно тренируясь по 15–20 раз в день, я, несмотря на мучительную боль, научился опускать ноги с койки. К этому времени были изготовлены мои протезы.

— Теперь, наверное, свободно смогу стоять, верно ведь? — спросил я Бориса.

— Конечно, Захар, наверняка сможешь, — поддержал меня друг. — Рискни. Надень протезы...

И я рискнул. Встал... Но сразу же пошатнулся и грузно упал на пол. Я едва сдержался, чтобы не закричать от невыносимой боли. И все-таки именно с этого дня, преодолевая муки, начал становиться на ноги. Делал это один, без помощи врачей и сестер. Мне хотелось самому научиться стоять, а потом и ходить.

Сердечные, заботливые были у нас сестры. Большинство — студентки Московского университета, будущие физики, историки, химики. В самом начале войны они, окончив краткосрочные курсы медицинских сестер, мечтали попасть на передовые позиции, мечтали совершать героические подвиги, а их послали в тыловую госпиталь. Они сильно волновались, вдруг не справятся с работой в стационаре, и не отказывались ни от какой, даже самой черной работы: помогали санитаркам убирать палаты, сами мыли и переодевали раненых, кормили их. Если они прочитают эти строки, то пусть знают, что мы, раненые воины, не забыли об их душевной щедрости к нам. Низкий поклон им: Вале Гришиной, Нине Шлеповой, Гале Латышевой, Зине Смирновой, Тамаре Робдиной, Полине Фатеевой.

Наконец наступил день, когда профессор Дженалидзе распорядился учить меня ходить на костылях.

Я давно ждал этого дня, первые шаги, и... стены, пол поплыли перед глазами, а потом бешено завертелись. Я судорожно вцепился в спинку кровати. Тяжелы были эти первые метры. Они отняли у меня сил не меньше, чем те трудные километры в тундре. Первое время сестры поддерживали меня под руки с обеих сторон, но вскоре я уже самостоятельно передвигался — сначала по палате, а затем по коридору.

Пришло время, когда я спустился со второго этажа вниз и вышел во двор госпиталя.

С каждым днем прогулки становились все длиннее. Иногда я делал по три-четыре километра. Вместе со мной этим успехам радовался и профессор Дженалидзе. Но вдруг однажды на заживших уже ранах полопались сосуды и кровь просочилась через повязки. Я испугался и сразу улегся в постель. Но профессор Дженалидзе поднял меня на смех:

— Крови испугался? Стыдно! Неженка!

Дженалидзе был неумолим.

— Ходи и терпи, это тебе только на пользу, — требовал он.

И я терпел.

Не сразу я смог сменить костыли на палку: трудно ходить, чувствуя опору только в одной руке. Но время и терпение взяли свое.

Теперь пора было подумать о возвращении в авиацию.

Нет, не отлетался

Медицинская комиссия госпиталя пришла к выводу, что по состоянию здоровья меня следует демобилизовать. Я тут же написал протест. Комиссия пересмотрела свое решение и признала меня «ограниченно годным к военной службе». Я понял, что здесь, в Кирове, ничего не добьюсь, и во второй половине декабря 1942 года уехал в Москву. Там сразу же пошел в отдел кадров Управления Военно-воздушных сил. Здесь я встретил уже знакомого мне полковника Смирнова.

— Летать хотите? — спросил он, внимательно разглядывая меня.

— Да! Хочу воевать...

— Но ведь по заключению медкомиссии вы ограниченно годны.

— Все равно я должен летать.

Полковник Смирнов посоветовал обратиться к начальнику Военно-воздушных сил Военно-Морского Флота генерал-лейтенанту авиации С. Ф. Жаворонкову. Но тот решительно отказал в моей просьбе.

Что делать? Я опять пошел к Смирнову. Он сочувственно выслушал меня. Потом сказал:

— Остается одно: пойти на прием к Народному комиссару. Желаю успеха! Действуйте, старший лейтенант!

Несколько раз я принимался писать рапорт. Но у меня получалось плохо, неубедительно. Наконец я остановился на такой редакции:

«Разрешите мне отомстить за те раны, которые нанесли нашему народу и мне фашисты. Уверен, что смогу летать на боевом самолете и уничтожать врагов в воздухе...»

И вот мой рапорт в руках дежурного офицера Наркомата Военно-Морского Флота. За ответом я должен был явиться на следующий день.

...Как только пришел, в наркомате мне сразу же вручили пропуск. Значит, дела пока что идут успешно. Настроение поднялось. В бюро пропусков я принял бодрый вид, оставил свою палку и направился в приемную Народного комиссара. Адъютант сразу же доложил обо мне. Волнение мое усилилось.

— Товарищ старший лейтенант, можете войти, — пригласил адъютант.

Я старался держаться прямо и идти молодцеватой походкой — ведь от походки многое зависело!

Народный комиссар Военно-Морского Флота поднялся

навстречу, пожал руку.

— Как самочувствие, товарищ Сорокин?

— Спасибо, хожу вполне устойчиво.

— Хорошо, присаживайтесь.

Я двинулся к креслу и пошатнулся. Чтобы не упасть, пришлось схватиться за край стола. Адмирал заметил мое замешательство и улыбнулся:

— Не волнуйтесь. Скажите, что же вас заставляет так упорно стремиться вновь сесть на истребитель?

— Хочу мстить врагу... За Сафонова, за боевых друзей, за свои раны...

Подумав немного, Народный комиссар снял телефонную трубку и позвонил начальнику Военно-воздушных сил.

— У меня находится старший лейтенант Сорокин, — сказал в трубку Нарком. — Я думаю, что есть смысл послать его на медицинскую комиссию в наш Центральный госпиталь... Пусть там определяют его годность к летной службе... Если признают годным, пошлем снова на Север в сафоновский полк. Вы не возражаете? Согласны? Очень хорошо.

Народный комиссар сказал мне:

— Вы пройдете комиссию, если она не обнаружит других физических недостатков, кроме неполноценных ног, разрешим вам летать. Вопросы ко мне есть?

— Все ясно, товарищ адмирал флота.

Через несколько минут я уже ехал на легковой автомашине наркомата в Центральный военно-морской госпиталь. Здесь отдал пакет с направлением дежурному врачу, и когда он разорвал конверт, я увидел под направлением подпись Наркома.

Я уже был уверен в благополучном исходе, и вдруг... снова мучительные сомнения и страх овладели мной. Гнал их прочь, убеждал себя, что все кончится благополучно, но тщетно.

В госпитале пробыл около двух недель. Здесь все очень внимательно отнеслись ко мне, а потом вместе со мной радовались документу:

«В порядке индивидуальной оценки Сорокин З. А., старший лейтенант, признан годным к летной работе на всех типах самолетов, имеющих тормозной рычаг на ручке управления, и к парашютным прыжкам на воду».

В тот же день в отделе кадров Управления Военно-воздушных сил Военно-Морского Флота я получил командировочное удостоверение и приказ о моем назначении командиром звена в сафоновский истребительный полк. Полковник Смирнов сердечно поздравил меня:

— От души рад за вас.

В Москве не задерживался. И вот стою на перроне Ярославского вокзала. В руках у меня чемодан, в одном кармане моего кителя — железнодорожный билет, в другом — пакет с документами. Поезд в Мурманск отходит через несколько минут. До сих пор не верится в счастье. Неужели я опять буду летать? Так мало было надежды — и вдруг полный успех! Я назначен в родной полк. Как я счастлив!

Мурманск встретил пронизывающим ветром, сильным морозом. От холода слипались веки, трудно было дышать. Я ожидал попутную машину. Подошла полуторка. Я поднял руку.

— Садитесь в кабину, товарищ старший лейтенант, — пригласил меня шофер.

Водитель долго всматривался в меня и наконец спросил:

— Вы Сорокин?

— Да. Разве вы меня знаете?

Шофер утвердительно кивнул.

— А у нас считали, что на Север вы уже не вернетесь...

— А я вернулся...

— Воевать будете?

— Обязательно. Рассчитаться надо с фашистами, счет у меня к ним большой...

— Вам ведь надо догонять своих друзей, — продолжал шофер уверенным баском. — Поотстали, пока по госпиталям путешествовали... Верно?

— Мне еще нужно заново учиться летать... У меня ведь стоп нет...

— Как это нет стоп?

— А вот так... ампутировали.

— А я думал, что вас только в лицо ранили... Желаю вам многих побед, — сказал шофер, стискивая на прощание мою руку.

В штабе авиаполка имени Б. Ф. Сафонова я встретил капитана Петра Сгибнева, комиссара полка Пронякова и начальника штаба майора Антонова.

— Очень рады твоему возвращению. Теперь будем воевать вместе, — приветливо сказал командир полка П. Г. Сгибнев. — Пока изучай материальную часть, а потом и летать будешь. В какую эскадрилью назначили?

— В первую, — ответил за меня начальник штаба. — Ведь до ранения, Сорокин, в первой эскадрилье служил? Вот и хорошо. Среди друзей легче будет.

Когда пришел на командный пункт эскадрильи, меня окружили летчики, техники, мотористы. Командир эскадрильи капитан Алагуров сердечно поздравил с выздоровлением. Со всех сторон посыпались вопросы:

- Погостить приехал, Захар?
- На штабную или на побывку?
- Приехал, друзья, воевать, — ответил я.
- А как же твои ноги?

— Ноги? Стометровку бегать не могу, а летать... Буду стараться.

Далеко не сразу крылатая машина подчинилась моей воле. Ведь теперь на педали нажимали не мои собственные ноги, а протезы. Трудно, почти невозможно было рассчитать давление на тормозную педаль; каждый нажим отдавался тупой болью во всем теле.

По совету командира я несколько дней тренировался, отрабатывая элементарные движения в кабине самолета, стоявшего на земле.

Я много ночей думал о том, как себя вести в воздухе. Плохо спалось мне. Короткими, тревожными были сны. Но и во сне участвуешь в воздушных схватках и даже тормозишь самолет, хотя протезы сняты и стоят под койкой.

Механики переоборудовали управление самолетом, и я стал летать. Сначала — на патрулирование. Самолет снова стал послушен мне. В воздухе я временами даже забывал о протезах.

Начались боевые будни, мои товарищи возвращались на родной аэродром с победой. Некоторые не вернулись совсем... Война! Мне же все еще не удавалось встретиться с врагом.

И вот в февральский день 1943 года, как только затихла пурга, в серое, покрытое низкими облаками небо взвилась ракета. Над аэродромом повис комок зеленоватого дыма. Техник Дубровкин выбил ногой колодки из-под колес моей машины, и она рванулась вперед.

В то утро я с особой остротой испытывал радостное, чуть тревожное возбуждение, которое всегда охватывает в начале боевого полета. Подсознательно я чувствовал, что этот полет не будет «холостым». Предчувствие меня не обмануло.

Мы патрулировали над Мурманском. Я был впереди. Справа, чуть сзади меня, летел Соколов; у второй пары истребителей ведущим шел Титов.

Внезапно в наушниках моего шлемофона послышались позывные «Казбека» — наземной радиостанции командного пункта:

— «Кама-3»! «Кама-3»! С северо-запада идет группа противника.

— «Казбек»! Я — «Кама-3», вас понял. Веду поиск.

В небе ничего не было видно. Из труб кораблей, стоявших в порту и в заливе, поднимались черные столбы дыма и лениво

расползались в воздухе. С высоты хорошо было видно, как по Кольскому заливу медленно полз караван транспортных судов и стремительно рассекали свинцовые воды миноносцы эскорта. Город утонул в сугробах. Лавируя между ними по занесенным снегом окраинным улицам, не спеша пробиралась в порт колонна грузовиков.

Подумалось: «Ложная тревога» — и вдруг вновь услышал:

— Я — «Казбек». «Кама-3», обнаружили противника? Вам высота семь тысяч.

— Набираю, — ответил я и в этот же момент увидел, как из-за сопки вынырнули строем шесть самолетов. По знакомым силуэтам сразу можно было определить, что это легкие бомбардировщики «Мессершмитт-110».

— Я — «Кама-3», разрешите атаковать, — голосом, сдвленным от волнения, запросил я по радио командный пункт.

— Атакуйте! — раздался в наушниках юношески звонкий голос Сгибнева.

Мы всей группой ринулись на самолеты со свастикой.

Нашим союзником в этой схватке было солнце. Его лучи слепили фашистских летчиков.

Преимущество в высоте и скорости позволило нам почти мгновенно приблизиться к вражеским машинам, которые летели плотным клином вперед. В сетке оптического прицела с каждой секундой увеличивались контуры бомбардировщика. Пора открывать огонь. Нажимаю гашетку. Тускло мерцающие огоньки трассирующих пуль вонзились в тело «мессера». Он волчком закрутился вокруг своей оси и камнем пошел вниз. С первой атаки ведущий у фашистов сбит.

Почти одновременно Титов нырнул под другого «мессера» и, сделав «горку», полоснул очередью по зеленовато-рябому брюху. Фашистский самолет перевернулся через крыло и торопливо нырнул за сопку.

В небе адская карусель. Надрывный рев напряженных до предела моторов заглушал стрекотание пулеметов. Огненные трассы пуль исчертили небо в разных направлениях: стреляли мы, стреляли в нас. Перемешались и краснотелые истребители и машины с черными крестами на плоскостях. Каждый старался зайти противнику в хвост.

Мельком оглянувшись назад, я увидел пылающий бомбардировщик. Переворачиваясь, он неся к земле — работа Соколова. Он в это время передавал:

— Фашисты собираются удирать.

Действительно, три оставшихся бомбардировщика легли в вираж, пытаясь уйти к линии фронта. Мы бросились за ними. Но

«мессерам» все-таки удалось удрать: у нас кончалось горючее.

Я дал команду возвращаться. На последних каплях бензина дотянули до аэродрома. Когда шел на посадку, вдруг почувствовал, что болят ноги.

Ноги болели, а сердце ликовало, — значит, могу летать, могу драться и побеждать.

На аэродроме я попросил своего техника Михаила Дубровкина нарисовать красной краской на борту моего истребителя седьмую, такую дорогую для меня звездочку.

Долго еще длилась война. Много было опасных и трудных боев. И одиночные схватки и массовые воздушные сражения... Но первый, сбитый после госпиталя самолет никогда не забуду. Спасибо тем, кто возвратил меня к жизни и борьбе.

* * *

Боевой счет истребителей-североморцев рос с каждым днем. У многих на личном счету было десять и более сбитых машин врага. Я тоже сбил десять фашистских стервятников. Хорошо чувствовать себя настоящим воином в нашей дружной боевой семье!

И еще огромная радость: я стал коммунистом. Сражаясь, редко вспоминал о своих искалеченных ногах, хотя временами острая боль мучила меня. По тревоге вместе с другими летчиками я летал на перехват гитлеровских самолетов, продолжавших рваться к Мурманску.

13 мая 1943 года сбил «Мессершмитт-109», через десять дней, прикрывая действия наших кораблей в районе Эйна-Губа, уничтожил еще одну вражескую машину, а еще через день мой боевой счет снова увеличился на единицу.

* * *

Командование послало меня в тыл получать новые самолеты для нашего полка. На эту поездку ушло много времени. Вновь в воздушных боях я начал участвовать только в октябре 1943 года.

Шли фронтовые дни и месяцы.

Мы сбивали вражеские машины в воздушных боях, прикрывали наши военные корабли во время морских сражений.

...19 августа 1944 года в три часа утра меня вызвали в штаб полка. Погода в тот день стояла отвратительная. Разгоняя волну, шквалами налетал сильный ветер. Порывистый, холодный, он дул

и на берегу. Преодолевая сопротивление ветра, я с трудом добрался до командного пункта полка.

После гибели Героя Советского Союза П. Г. Сгибнева командиром нашего полка назначили гвардии подполковника Д. Ф. Маренко. Он и объяснил мне задание. На вражеской территории, в семидесяти километрах от нашего аэродрома, в районе Сол-озера, совершил вынужденную посадку наш самолет, возвращавшийся с боевого задания. На выручку летчикам командование послало морской бомбардировщик МБР-2, который ночью достиг цели.

— Вы будете прикрывать этот самолет, — сказал мне Маренко. — Сами понимаете, задание очень ответственное: речь идет о спасении наших людей. Основная трудность для вас — пройти незамеченными над линией фронта. Нужно надежно прикрыть морской бомбардировщик в то время, когда он будет снимать экипаж на Сол-озере. Останетесь в этом районе до тех пор, пока к вам не подойдет смена наших истребителей. Будьте осторожны, не забывайте: вы летите на вражескую территорию. Имейте в виду, при взлете вас будет сносить в сторону. Сильный боковой ветер. Предупредите об этом своих летчиков. Сигнал на вылет — две красные ракеты.

— Разрешите выполнять, товарищ подполковник. Маренко пожал мне руку.

— Желаю удачи.

Товарищи ждали меня на стоянке. Я рассказал о предстоящем полете, и они поспешно разошлись по своим машинам. Сделав круг над аэродромом и покачав на прощание крыльями, мы взяли курс на Сол-озеро.

Шли на бреющем полете^[1]. Внизу проносились чахлые северные березки, сосенки, кустарники, мелькали огромные валуны и гранитные скалы. По карте и часам я убедился, что мы идем точно — и по курсу, и по времени.

— Скоро будем у цели, — сообщил я товарищам. — Ведите круговое наблюдение, чтобы нам на головы не свалились «мессеры».

Вот и Сол-озеро. На беспокойной его поверхности я вижу самолет МБР-2, который должен взять летчиков, совершивших вынужденную посадку. Над озером барражировали наши истребители. Мы легким покачиванием с крыла на крыло поприветствовали их, и они ушли к линии фронта. Наши самолеты легли в вираж над Сол-озером.

Мы дежурили около часа. Никто не мешал спасательным работам. Дождавшись смены, полетели на свой аэродром. Заходя на посадку, я услышал взволнованный голос командира полка, он

открытым текстом передавал по радио:

— Гвардии капитан Сорокин Захар Артемович, поздравляю с присвоением вам высокого звания Героя Советского Союза!

На некоторое время я растерялся, волнение сдавило горло. Только через минуту, придя в себя, смог ответить:

— Служу Советскому Союзу!

Приземлившись, я не смог выбраться из кабины. На плоскость забрались летчики и техники. Они вытащили меня из машины вместе с парашютом и начали подбрасывать вверх.

Командир полка еще раз поздравил меня.

— Снимай скорее парашют, Захар Артемович, сейчас митинг начнется, выступишь, — сказал он.

Признаться, я сильно смутился. Какой я оратор?! Но отказаться от выступления было нельзя.

Митинг открыл командир полка гвардии подполковник Маренко. Он напомнил о сафоновских традициях нашего Краснознаменного гвардейского полка, о боевых делах истребителей. Потом слово взял наш комиссар. Он выразил уверенность, что мои боевые полеты будут продолжаться.

Наконец я, как мог, рассказал боевым друзьям о своих мыслях и волновавших меня радостных чувствах.

Мне вручили поздравительные телеграммы от командующего Северным флотом, начальника военно-воздушных сил Северного флота генерал-лейтенанта Андреева А. Х. и от политуправления Северного флота.

На следующий день на своем самолете я вылетел в штаб ВВС. Здесь собрались летчики Северного флота, недавно удостоенные звания Героя Советского Союза. Командование сердечно, потечески поздравило нас и предложило нам отдых. Все мы решительно отказались: не время отдыхать!

«Тихорецкий комсомолец»

Осенью 1944 года по состоянию здоровья мне пришлось поехать лечиться в Кисловодск.

— Подлечитесь, отдохнете. Вам это необходимо, — говорил мне подполковник Маренко.

— Война ведь еще не кончилась, — возражал я.

— Знаю, знаю! Но командование тоже знает, что делает. Раз посылают, значит, надо ехать, заодно побываете у матери. Расскажите там, как мы на Севере воюем, — дружески напутствовал Маренко.

Из Кисловодска поехал в Тихорецк. От вокзала до дома километра три. Это расстояние я решил пройти пешком. Здесь все было родное и близкое: окраины, улицы, пустыри, дома — места моего детства, юности. Вот и наша улица, вижу свой дом. У ворот, опершись на палку, стоит старушка.

— Мама! — дрогнуло сердце.

Мать сразу узнала меня, вскрикнула и пошатнулась. Я успел подбежать к ней. Что может быть дороже теплых материнских объятий.

Мы зашли в дом. Мать то и дело дотрагивалась до меня рукой, словно не веря, что это я.

— Нынче всю ночь я не спала, — сказала она, — чувствовала, что ты приедешь. Видишь — не ошиблась. А почему ты не известил?

— Хотелось неожиданно...

— Насовсем вернулся, Захарушка?

— Нет, мама... Рано еще насовсем. Погостить приехал. А потом поеду фашистов добивать.

— Другие вон дома сидят...

— Так они ведь тоже для фронта работают. Без них мы бы не смогли воевать. Каждому свое место. Я — летчик...

— Что ж, — тяжело вздохнула мать, — коль надо, воюй, — и тихо заплакала.

Вечером к нам пришли и знакомые, и незнакомые. В доме сталолюдно и тесно. До поздней ночи я рассказывал своим землякам о суровом Заполярье, о любимом герое-командире Сафонове, о боевых друзьях, об их подвигах.

Мать сидела рядом со мной, в ее глазах, полных любви, блестели слезы.

В эти незабываемые и счастливые для меня дни я выступал перед пионерами, комсомольцами, перед рабочими и служащими. Они внимательно слушали мои порой нескладные, порой

неумелые рассказы о боевых делах летчиков-сафоновцев.

Однажды под вечер к нам пришли секретари райкома партии Ерошенко и Бородин. Они сообщили, что молодежь района собирает средства для постройки самолета «Тихорецкий комсомолец». На этом самолете я буду бить фашистов.

Взволнованный, я горячо поблагодарил земляков за доверие.

На следующий день поехал на паровозоремонтный завод, на котором работал до армии. Побывал в нескольких цехах, выслушал рассказы рабочих об их трудовых делах, о помощи завода фронту. В обеденный перерыв в сборочном — самом большом цехе завода — собрались рабочие.

Мы душевно беседовали. И еще раз я убедился, как безгранична любовь народа к своему детищу — армии. И мы, воины, и работники тыла — это одна крепкая семья, готовая на любые жертвы во имя победы.

Тихорецкая районная газета через несколько дней сообщила, что на постройку самолета «Тихорецкий комсомолец» уже собрано 147 тысяч рублей.

Вскоре земляки торжественно передали мне новенький истребитель с надписью на борту «Тихорецкий комсомолец».

Трудно выразить словами чувства, которые охватили меня в тот момент, когда я любовался этой прекрасной машиной.

— Спасибо, сердечное спасибо за подарок! — растроганно благодарил я своих земляков.

— Самолет осмотрен и готов к выполнению боевого задания, — доложил техник.

Я сел в кабину, опробовал работу мотора и, получив разрешение на взлет, взвился в воздух. Сначала проверил самолет на большой высоте, потом снизился до бреющего полета, на полной скорости прошел над аэродромом, а потом «горкой» снова взмыл вверх. На прощание дал салют из боевого оружия.

Воздушные разведчики

В Н-скую эскадрилью прибыл долгожданный эшелон с новыми самолетами. На разгрузку поспешили все, кто был свободен от дежурства и полетов, — техники, инженеры, летчики. Работали с охотой, весело, споро.

Командир эскадрильи майор Валуйко, опытный, бывалый летчик, с посеребренными ранней сединой висками обрадовался новым самолетам и в то же время забеспокоился: в последние дни налеты на аэродром участились. Фашистские бомбардировщики с авиационной базы в Северной Норвегии прилетали и утром, и днем, и вечером. И если они обнаружат не собранные машины... Страшно подумать! Выход был один — рассредоточить ящики, в которых находились аккуратно упакованные части самолетов, чтобы они не оказались объектом для бомбежки. А сейчас предстояла самая трудная задача: срочно собрать машины.

«Поручу Токмачеву, — решил майор Валуйко. — Токмачев — лучший в эскадрилье летчик, отличный организатор».

Высокий, худощавый капитан с живым, сильно обветренным лицом вошел в землянку командира.

— Явился по вашему приказанию, — отрапортовал он.

— Капитан Токмачев, немедленно займитесь сборкой самолетов. Один самолет соберете для себя.

В глазах Токмачева промелькнула радость и тут же исчезла, когда Валуйко уточнил:

— Как только освоите новую материальную часть, слетаете в разведку.

«Опять в разведку, когда же наконец в бой?» — огорченно думал Токмачев.

— Все машины должны быть собраны в кратчайший срок, — закончил командир.

* * *

Срубленные низкорослые сосны, молодые березы и вороха зеленых веток лежали около каждой площадки, на которых поспешно собирали новые самолеты.

Николай Иванович Токмачев, проверив, как идут дела, пришел на свою площадку, где работали два техника, и принялся им помогать. Один из техников, пожилой уже человек, хорошо разбирался в новой материальной части. Токмачев настойчиво расспрашивал его о всех тонкостях эксплуатации материальной

части. Капитан уже познакомился с формуляром, где были записаны тактические свойства новой машины, и сейчас старался на практике вникнуть во все «тайны», начиная от смазки шарниров, системы бензопитания и кончая электрооборудованием.

Он увлеченно слушал объяснения техника и, когда сигнал боевой тревоги прервал «урок», сказал с досадой:

— И работать мешают, и учиться спокойно не дают!.. — Николай Иванович, сердито махнув рукой, принялся вместе с техниками укрывать зеленью наполовину собранную машину. Теперь фашистские летчики увидят сверху негустой смешанный лес — и только.

* * *

Сборка закончилась благополучно. Личный состав эскадрильи все время был начеку. Стоило раздаться сигналу тревоги, как все площадки, на которых работали авиаторы, ловко и быстро маскировались зелеными деревцами.

Теперь истребители готовы к взлету; летчики, теоретически изучившие материальную часть, начали проверять свои машины в воздухе.

Первым освоил новый самолет капитан Токмачев. «Хорошая боевая машина», — дал он восторженную оценку.

Николай Иванович шел по вызову командира эскадрильи на командный пункт, и в его сердце теплилась надежда: может быть, разрешат ему принять участие в воздушных боях с противником.

Майор Валуйко усадил его за дощатый стол, на котором лежала карта района боевых действий.

— Капитан Токмачев, вы должны не позже чем через пять — десять минут быть над целью. Вот здесь! — командир указал точку на карте. — Ваша задача: сфотографировать корабли противника до появления наших торпедоносцев, а затем после боя. Обстановка в районе вражеских кораблей и транспортов такова: облачность — десять баллов, высота ее — пять тысяч метров. Учтите, над конвоем патрулируют «мессеры» и «стодесятые». Их разгонят наши истребители. Залейте в дополнительные бензобаки горючее, а боекомплект не берите. На цель зайдете с территории противника. Сейчас полетите над морем к берегам Норвегии, чтобы вас не обнаружили. Если встретитесь с самолетом врага, уходите в облака с разворотом на запад и оттуда возвращайтесь обратно. Ясно?

— Ясно. Разрешите выполнять?

— Желаю успеха. — Майор Валуйко крепко пожал руку Николаю Ивановичу.

Капитан Токмачев хорошо понимал важность порученного ему задания. Его назначили разведчиком за высокое летное мастерство, за выдержку, за храбрость. И все же... если бы можно было принять участие в сражении, а не прятаться в облаках...

На аэродроме его техник нечаянно «посыпал соль на рану».

— Рисовать фашистов будете? — спросил он Николая Ивановича.

«Рисовать» — так называли в авиачасти фотосъемку боевых объектов.

— Да-а... — неохотно ответил Токмачев, надевая парашют. Он поспешно забрался в кабину, проверил мотор, опробовал рацию и дал знак технику, чтобы тот вынул колодки.

Самолет взмыл в воздух и устремился на север. Вскоре, изменив курс, Токмачев повел машину над морем, на запад.

Точно выполнив все указания командира эскадрильи, летчик оказался невидалеке от каравана противника. Вражеские самолеты группами кружились по секторам, охраняя с воздуха корабли и транспорты.

Пора начинать фотографировать караван. Но это не так-то просто... Фашистские самолеты ходят плотным строем. «Надо обмануть их бдительность», — решает Токмачев. Форсировав двигатель, он круто набирает высоту и прячется в облаках, затем стремительно и, самое главное, неожиданно для фашистов вываливается уже над кораблями. Послушный его воле самолет на предельной скорости несется над фашистским караваном с включенными фотоаппаратами.

Позади и ниже своей машины капитан Токмачев видит частые зенитные, разрывы.

«Запоздали...» — мысленно отмечает он и, развернув машину, снова прячется в облаках.

Первая часть задания выполнена. Теперь надо ждать, когда придут наши торпедоносцы...

Они появились в сопровождении истребителей точно в указанное время и, несмотря на мощный заградительный огонь зениток кораблей, сразу пошли в атаку на вражеский караван. Капитан Токмачев, поспешно покинув свое убежище в облаках, кружил над местом, где происходило морское сражение. Атаку торпедоносцев он видел впервые в жизни... Поверхность моря около плывущих кораблей вздыбилась. То тут, то там из глубин вырывались водяные столбы, крутились, как смерчи, и рушились, рассыпаясь брызгами. Но вот один фашистский транспорт, накренившись на левый борт, начал медленно погружаться в

пучину.

Увлеченный фотосъемкой, Токмачев не заметил, как два вражеских самолета зашли сзади.

— «Ястреб», у вас в хвосте «мессершмитты», — услышал он по радио тревожное предупреждение и тут же, положив свой самолет в глубокий вираж, спрятался за спасительную облачную завесу.

Бой над морем разгорался. Воздушный разведчик с непрерывно работающими на борту фотоаппаратами носился над полем сражения, стараясь запечатлеть на фото пленке картину морского боя. Невдалеке он увидел мрачные гранитные скалы. Сверху казалось, что они загорелись от двух прижавшихся к ним пылающих кораблей. Через несколько минут скалы потемнели: вражеские корабли скрылись в водах Баренцева моря...

Выполнив задание, Токмачев возвращался на свой аэродром.

Погода изменилась. Неожиданно поднявшийся сильный встречный ветер, разорвав облака, угнал их далеко-далеко, туда, где море сливается с небом. И вдруг неяркую голубизну неба, освещенную скупым полярным солнцем, заслонил самолет со свастикой. Он бросился на Токмачева и выпустил длинную пулеметную очередь.

Пули застряли в фюзеляже, одна прошла совсем близко от кабины, оставив за собой дымный шлейф.

Спрятаться было негде — ни одного облака.

«Что делать? — молнией пронеслось в мозг. — Снимки ценные... могут погибнуть...»

У Токмачева не было ни одного патрона, чтобы вступить в бой, и... все-таки он решил сражаться. Форсировав мотор до отказа, сотрясая воздух ревом двигателя, Токмачев бросился на вражескую машину. Фашист немедленно лег в вираж, было видно, что он вновь готовится к атаке. Снова воздух разрезали летящие пули, еще одна отметка появилась на плоскости его машины.

Токмачев словно слился со своей быстрой и верткой машиной. Он носился над морем, то круто взмывая ввысь, то резко снижаясь, почти задевая волну, то шел в лоб на врага, имитируя боевую атаку. Рядом с его самолетом пролетали пули, рвались снаряды, а Токмачев все продолжал свою отчаянную, бесстрашную игру.

Два краснотелых истребителя появились совсем неожиданно, один из них с ходу зашел в хвост «мессершмитту» и ударил из всех пулеметов. Самолет со свастикой заскользил на крыло, охваченный огнем, и рухнул в море. К небу поднялся столб воды и тут же рассыпался блестящими на солнце брызгами.

«Благодарю, друзья!» — радиовал капитан Токмачев.

Три истребителя строем возвращались на свой аэродром.

Когда сели, Николай Иванович выскочил из машины, подбежал к летчикам Рассадину и Бурматову и крепко обнял их.

— Если бы не вы, возможно, пришлось бы мне «купаться» в Баренцевом море.

В свою землянку капитан Токмачев вернулся хотя и усталым, но возбужденным: картина морского боя стояла у него перед глазами.

Когда в фотолаборатории проявили снимки, доставленные Токмачевым, стал ясным итог этого боя: эсминец, три транспорта и тральщик из фашистского каравана нашли свой конец в пучине Баренцева моря.

* * *

Все чаще и чаще приходилось Токмачеву разведывать пути вражеских караванов, фиксировать на фото пленке результаты морских и воздушных сражений. Его полеты стали дальними и рискованными. Но возвращался он всегда благополучно, отлично выполнив приказ командования, и хотя брал теперь с собой боевые запасы, вступить в бой с врагом ему не удавалось. Работа воздушного разведчика, серьезная, ответственная и опасная, в конце концов увлекла его. Он научился безошибочно определять с воздуха типы фашистских кораблей, изучил районы, где они предпочитали отстаиваться. В небе над Северной Норвегией Токмачев чувствовал себя так же уверенно, как над своим аэродромом.

В эскадрилью, которой командовал майор Валуйко, поступили сведения, что к берегам Северной Норвегии приближается караван неприятельских судов с военными грузами. Необходимо было уточнить местонахождение этих судов, навести на них наших торпедоносцев и высотных бомбардировщиков. Это ответственное и сложное задание поручили Токмачеву.

— Сегодня вы в последний раз летите на разведку, а завтра переседаете на ДБ-3. Подходящий для вас штурман уже есть, — добавил майор Валуйко.

Через сорок минут Токмачев уже летал над вражеским караваном. Ему оставалось лишь зафиксировать результаты атак торпедоносцев высотных бомбардировщиков.

Вскользнув из облака, он сделал заход, собираясь сфотографировать результаты морского боя, но навстречу ему сомкнутым строем кинулась четверка «мессершмиттов». Пришлось спрятаться в облаках.

«Вернуться? Но командованию важно, очень важно получить полную картину боя».

И Токмачев делает одну попытку за другой. Но «мессершмитты» каждый раз преграждают ему путь. Тогда он опять уходит в облака, чтобы через несколько мгновений снова вынырнуть из них...

Настойчивость Токмачева победила. Улучив момент, он под носом у «мессершмиттов» сделал отличные фотоснимки.

Вернулся Николай Иванович к обеду. Товарищи, как всегда, встретили его радостно, забросали вопросами.

— Сколько кораблей потопили? А какие корабли? Трудный был бой? Все заснял?

Отвечая товарищам, заметил среди них незнакомого ему старшего лейтенанта, с узким, сильно загорелым лицом, на котором выделялись полукружья густых красивых бровей.

Николай Иванович с интересом присматривался к новичку — взгляд твердый, серьезный, пытливый, движения быстрые, уверенные.

«Кажется, парень подходящий», — решил он про себя.

Его тут же познакомили:

— Новый штурман Андрей Александрович Карелин. Переведен к нам с Западного фронта...

— А я думал, с курорта черноморского прибыл, — шутливо заметил один из летчиков.

— У нас на Западном такая жара была, скорее на Кара-Кумы похоже, — в тон отозвался Карелин.

В этот же день Токмачев узнал, что нового штурмана назначили на его самолет.

— Что ж, будем воевать вместе.

* * *

Аэродром освещен ярким солнцем, а на горизонте уже клубятся лиловые тучи — жди перемены погоды. Поднявшийся легкий ветерок несет вместе со свежестью солоновато-горький запах моря.

— С вылетом надо торопиться, погода портится, — обратился к своему штурману Николай Токмачев. Он снял с головы шлем и подставил солнечным лучам густые светлые волосы.

— Пусть прогреются! Скоро конец теплу, мне местные жители говорили: холода здесь наступают рано и держатся долго.

Токмачев сказал это спокойно улыбаясь, словно им предстоял сейчас очередной учебный полет, а не выполнение ответственного

боевого задания. Делал он это сознательно: ему хотелось, чтобы Андрей Карелин выполнил его образцово. Токмачев знал, что новый штурман хотя и молод, но дело свое хорошо знает и уже успел отличиться в боях. Но раньше он воевал на Западном фронте, а Север и море были ему знакомы только по книгам. Зато, по-видимому, знакомы хорошо! Садясь в кабину самолета, он еще раз напомнил Токмачеву:

— В высоких широтах магнитный компас выходит из строя.

Николай Иванович молча кивнул: его мысли целиком были заняты предстоящим полетом. Надо было разведать: свободно ли море ото льда в высоких широтах и не грозит ли какая-либо опасность каравану с грузами для Мурманского порта.

...Уже около двух часов самолет-разведчик, пилотируемый капитаном Токмачевым, летел над морем. Внизу — вода, одна вода. Далеко позади осталась земля. Чайки давно повернули обратно, не сверкают больше белые точки над сердитыми сизо-черными волнами. А затем прекратилась и связь с землей. Стрелок-радист упорно, но тщетно вызывал землю. А тут еще надвинулись плотные облака и снежные заряды один за другим обрушились на самолет. Но летчик уверенно вел машину. Нахмурившись, он внимательно следил за приборами, чутким ухом прислушивался к работе мотора — нет ли перебоев.

В рубке штурман делал пометки на карте, сверял курс, скорость. На его смуглом лице — мечтательные темно-голубые глаза. «Море! Вот оно какое! Северное, неласковое, но наше, родное!»

Давно ему хотелось побывать на море. Еще тогда, в той, другой жизни, где не было войны и где была Таня, худенькая и задумчивая Таня, такая единственная и близкая. Давно ли он знаком с ней? Кажется, всю жизнь знал ее. А ведь впервые встретил немногим более года назад. Это было на студенческом вечере в университете.

Когда он увидел ее, то тут же решил, что должен ей что-то сказать. Правда, он тогда толком не знал, чем можно заинтересовать ее. Конфузясь, он подошел к ней, что-то говорил. До сих пор ему страшно подумать, что они могли пройти мимо друг друга, если бы он не переборол тогда свою застенчивость.

Таня выбрала для себя очень интересную и сравнительно редкую специальность океанографа. Андрей учился на физико-математическом факультете.

Они договорились, что во время летних каникул поедут вдвоем к морю. И с нетерпением ждали конца экзаменационной сессии.

А в июне началась война, и Андрея мобилизовали, послали

на курсы штурманов. Успела ли Таня с больной матерью и маленькой сестренкой эвакуироваться? Где она теперь? Следы потеряны... Напрасно он пишет по старому адресу — никто ему не отвечает...

Вдруг штурман вздрогнул и впился взглядом в магнитный компас — с ним творилось что-то неладное: стрелка прыгала то вправо, то влево, отклоняясь от курса.

В чем дело? Что случилось? Андрей ничего не понимал. «Может быть, Токмачев что-то обнаружил и маневрирует? — подумал он. — Или увлекся и забыл на время компас? Нет, не похоже на него».

Стрелка компаса продолжала прыгать, и штурман, волнуясь, закричал в микрофон:

— Курс! Как держите курс?!

В наушниках сейчас же зазвучал спокойный голос Николая Ивановича:

— Курс держу точно. По гирокомпасу. Магнитный вышел из строя. Отказал.

Андрей облегченно вздохнул, а лицо его покрылось красными пятнами.

«Хорошо, что Николай Иванович не видит меня сейчас! Как мог забыть, ведь сам же предупреждал о влиянии полюса на магнитный компас».

Штурман быстро сориентировался по солнцу: местонахождение самолета — семьдесят пять градусов тридцать минут северной широты.

...Токмачев вел самолет все дальше и дальше на север. Через некоторое время штурман услышал голос Николая Ивановича:

— Проверьте, нет ли где льда.

Андрей внимательно, до боли в глазах осмотрелся: внизу только свинцово-серые волны. Над ними плывут лохматые клочья разорванных облаков.

— Льда нет. Чистая вода.

Капитан Токмачев напряженно всматривается в небо: не появятся ли фашистские самолеты, впрочем, вряд ли они заберутся так далеко. И все-таки нужен глаз да глаз.

И как бы в ответ на эти мысли две машины со свастикой вынырнули из облаков. Фашистские летчики от неожиданности на миг растерялись.

Упустить такую возможность? Теперь, когда у него есть боеприпасы? Нет, нельзя, чтобы враги ушли невредимыми! Увеличив обороты двигателя, Токмачев стремительно пошел на сближение с вражескими самолетами. Штурман открыл прицельный огонь: одна из машин сначала взмыла вверх, а потом,

кутаясь в черный шлейф дыма, перешла в отвесное пике вниз. Второй самолет поспешно скрылся в облаках.

Токмачев подвел итоги полета: задание выполнено, и не только выполнено...

— Разворачиваюсь домой, — весело сообщил он Андрею Карелину.

Тот возразил:

— Еще немного, Николай Иванович, пройдем для ровного счета до семьдесят шестой...

— Нельзя рисковать! Разведку закончили, повоевали. Горючего осталось в обрез, еле хватит на обратный путь.

И Токмачев решительно развернул машину.

Снова под крылом самолета бесконечное пространство во воды. Глазу не за что зацепиться, а компас показывает что-то совсем несуразное.

Пока светило солнце, Андрей ориентировался по нему. Но вот солнце исчезло, вокруг потемнело, пошел густой мокрый снег.

Николай Иванович повел самолет вниз. Пришлось идти бреющим полетом над волнами, едва не задевая крылом воду.

Дождь и снег вскоре прекратились, но туман сгустился еще сильнее. Самолет шел словно в молоке. Летчик и штурман зорко вглядывались в бесстрастную поверхность моря. Голос радиста прозвучал для них как клич победы:

— Слышу Мурманск!

Андрей занялся радиопеленгацией.

— Куда выводить, Николай Иванович? — весело спросил он.

— На Кильдин.

У берегов туман рассеялся, внизу зеленел остров Кильдин.

«Молодец штурман! Точно привел! Вот тебе и новичок! А каков в бою! С таким штурманом нигде не пропадешь!» — подумал Токмачев.

Он мастерски посадил машину на аэродром, с которого поднялся шесть часов назад. Стрелка бензиномера успокоилась на нуле.

Уже в землянке, восстанавливая в памяти события дня, Андрей Карелин размышлял:

«Если бы Токмачев послушал меня и пролетел дальше, мы, конечно, не дотянули бы до берега. Замечательный летчик Николай Иванович! Какой у него точный и уверенный расчет. Позавидовать можно».

Поздно вечером, когда товарищи легли спать, Андрей сел писать еще одно письмо Тане по тому же старому московскому адресу... Когда-нибудь Таня обязательно вернется домой и

получит сразу все его письма. А сейчас он должен поделиться с ней, рассказать о первом полете над суровым Баренцевым морем, о первом в этих местах воздушном бое.

«Командир части лично поблагодарил нас за ценные данные разведки, а за сбитый фашистский самолет наш экипаж представлен к награде...

Хорошо летать с таким умелым, опытным и храбрым летчиком. Николай Токмачев, кроме того, чуткий и внимательный товарищ, он охотно все объясняет мне...»

В конце письма Андрей добавил:

«Таня! Единственная моя! Знай, что я без страха иду в жестокий бой с врагом за Родину, за тебя, Таня, за нашу любовь...»

* * *

Через два года после окончания войны я возвращался с курорта и остановился на несколько дней в Москве. В Малом театре перед началом спектакля в фойе я неожиданно столкнулся с Николаем Ивановичем Токмачевым. Мы сразу узнали друг друга. Он остался таким же стройным, худощавым. Темно-синий морской китель ладно сидел на нем. Вообще вид у него был молодцеватый.

Мы обрадовались встрече: давно не виделись, очень давно. Вернувшись в свой полк из госпиталя, я не застал ни Токмачева, ни штурмана Карелина, как и многих других товарищей: они воевали в других местах.

Перебивая друг друга словами «а помнишь?», мы унеслись мыслями в незабываемые годы. И боевые друзья, и суровые дни сражений в Заполярье встали перед нами как наяву.

О себе Токмачев рассказал скупо: «Служу на Дальнем Востоке, а сейчас собираюсь поступать в академию».

— А где Андрей?

— Андрей тоже на Дальнем Востоке. Мы там вместе летали. Сейчас он демобилизовался, готовится защищать диссертацию. Скоро кандидатом математических наук будет, а там, глядишь, и доктором.

Рассеянность у Андрея прямо профессорская, только рановато появилась... Это могло печально кончиться для нас обоих...

Николай Иванович улыбнулся, вспоминая что-то.

Антракт еще только начался, времени у нас было достаточно.

— Случилось это зимой, наши бомбардировщики и

истребители круглые сутки с небольшими интервалами поднимались в воздух: одни шли охранять суда, другие бомбить врага. Словом, жизнь на нашем аэродроме не замирала ни на час.

Мы тоже получили боевое задание: ночью сбросить бомбы на штаб фашистской авиационной дивизии. Полетели с Андреем, штурман он первоклассный, сразу привел на цель, бомбы положил точно, как по заказу. Но только я начал разворачивать самолет на обратный курс, нас поймали прожекторы.

В кабине стало светлее чем днем. А кругом чернота. Ослепило меня, но по приборам вывел машину из лучей прожекторов. Летим, а зрение ко мне не возвращается. После яркого света ничего разобрать не могу. Но меня это не испугало, знаю, что ненадолго, лечу спокойно. Действительно, вскоре вошел в норму, вижу знакомый аэродром, освещенный прожекторами. Я захожу на посадку и сигналию Андрею, чтобы он дал опознавательную ракету. А он... А он вдруг вместо ракеты... дает сигнал, который был установлен на прошлую ночь.

— Ну и что же произошло? — не выдержал я.

— Прожектористы увидели старый сигнал и, естественно, приняли наш самолет за вражеский. Лучи сразу погасли. А тут еще у нас правый мотор сдал. Вокруг темнота, ни зги не видно, но все же на посадку идти надо. Иду наугад, вернее, на память туда, где видел освещенную поверхность аэродрома. Сел благополучно. Вот тут уж я дал Андрею взбучку в первый и последний раз!.. Чуть было с ним не поссорились навсегда.

— А жаль было бы потерять такого друга! — сказал я. — Андрей хороший парень, мне он всегда нравился. А как его невеста? Помнишь, он через день письма ей писал?

— Татьяна к нему во Владивосток приехала. Поженились, — оживился Токмачев. — Хочешь посмотреть?

Он бережно извлек из нагрудного кармана небольшую любительскую фотокарточку. Андрей был в штатском костюме, на отвороте пиджака — Золотая Звезда Героя. Он мало изменился: та же улыбка. И у Татьяны такое милое и умное лицо.

— Ну как? — ревниво спросил Николай Иванович.

— Андрей совсем не изменился и на профессора не похож...

— А Татьяна? Она нравится тебе? — нетерпеливо перебил Токмачев.

Я уловил его взгляд, брошенный на фотографию, и нарочито спокойно ответил:

— Обыкновенная... На девчонку похожа. И чего Андрей так страдал...

Резким движением взяв у меня фотографию, Токмачев спрятал ее в нагрудный карман.

— «Обыкновенная девчонка»! — насмешливо повторил он мои слова. — Да она, наверное, раньше Андрея профессором станет!

— Вот и хорошо! — согласился я. — Андрей заслужил свое счастье.

— Верно! И Татьяна заслужила. Оба! — Голос Николая Ивановича потеплел.

Из театра мы вышли вместе, и Токмачев только и говорил о семье Карелиных. А ведь и о себе он мог бы многое рассказать. Правда, я знал, за что он получил Звезду Героя Советского Союза — это было еще в Заполярье. И хотя на Дальнем Востоке Токмачев воевал сравнительно недолго — пришла победа, он и там успел многое.

— Когда-нибудь встретимся дома за чашкой чаю, и я расскажу о дальневосточных воздушных боях, — пообещал он мне при расставании.

Пока мы больше не встречались, живем в разных городах.

Но от наших общих друзей я кое-что знаю о Токмачеве. Он успешно окончил академию и сейчас служит начальником штаба военного авиационного училища, передает молодежи богатый боевой опыт, накопленный в воздушных сражениях с врагом, воспитывает будущих офицеров.

И еще я узнал, что Николай Иванович нашел свою Татьяну. Да, представьте себе, его жену тоже зовут Татьяной.

Гвардейская душа

Хмурится Баренцево море. Тусклым свинцом отливают гребни бегущих к берегу волн.

И вдруг ветер разрывает в клочья тяжелую тучу, нависшую над землей. Сразу же с неожиданной щедростью брызжут вниз солнечные лучи. Они золотят мелкую рябь воды, зажигая искорки на поверхности моря.

Словно обрадовавшись неожиданно открывшейся красоте, из глубин неба ринулась вниз с грозным ревом семерка истребителей. Казалось, вот-вот кто-нибудь из летчиков заденет крылом позолоченный гребень волны... Еще несколько секунд — и самолеты летят над берегом. К высокой сопке они приближаются как будто связанные крепкой невидимой нитью, одновременно делают круг, затем спешат дальше, к своему аэродрому.

Родной аэродром! Сколько раз поднимались мы с него навстречу врагу. Сколько раз садились здесь, опаленные огнем жестокого воздушного боя. А те, кто не вернулся?.. Вечная память им!

Молодые летчики-североморцы бережно хранят боевые традиции героев-сафоновцев, чтут память воздушных бойцов, погибших в глубинах Баренцева моря и на сопках Заполярья.

Каждый раз, возвращаясь после учебных полетов, они делают круг почета над высокой сопкой, недалеко от аэродрома. На этой сопке находится одинокая могила, сложенная из гранитного камня. На могиле — лопасти винта самолета и гвардейский значок.

Здесь похоронен молодой летчик-истребитель Александр Заподобников.

Разбрелись по всей стране его боевые товарищи. Но где бы они ни были, им никогда не забыть обаятельного юношу, мужественного и скромного. Он любил жизнь и совсем не боялся смерти.

Подвиг Заподобникова запомнят на всю жизнь и молодые летчики-североморцы. Знакомясь с историей своей части, они встречают на одной из страниц фотографию молодого летчика с большими добрыми и веселыми глазами, а под ней подпись:

«Гвардии младший лейтенант Александр Заподобников, любимец части, героически погиб 17 августа 1944 года».

Кто этот летчик? Какой подвиг совершил он? На его груди нет ни Золотых Звезд, ни орденов, ни медалей. Только гвардейский значок на правой стороне морского темно-синего

кителя.

Почему же имя Александра Заподобникова стоит рядом с именами прославленных воздушных бойцов, удостоенных высоких правительственных наград? Чем заслужил он такое уважение и любовь своих боевых друзей?

* * *

В разгар жестоких сражений весной 1943 года в нашу часть прибыл младший лейтенант Александр Заподобников. Крупный, широкоплечий, он шагал, слегка покачиваясь на ходу, совсем как настоящий моряк. Сразу же стал расспрашивать нас, летчиков, о боевой работе, о характере и капризах Баренцева моря, о суровой природе, искренне восторгался подвигами однополчан.

Потом коротко рассказал о себе. В Москве родился, вырос. О Подмосковье с его лесами, реками, озерами говорил чуть ли не стихами. А через несколько дней задумчиво произнес:

— Кажется, я люблю эти места. Здесь не яркая, суровая, своеобразная красота...

Сашу Заподобникова назначили в эскадрилью гвардии капитана Максимовича.

— Я рад, что попал в большую дружную семью летчиков Севера. Но я пока еще не обстрелянный, — говорил он нам.

С каждым днем в эскадрильи все больше и больше привязывались к новичку. Всегда жизнерадостный, Заподобников никогда не обижался на шутки.

Кто-то из летчиков беззлобно назвал его карасем за выпуклые глаза и широкую, слегка покачивающуюся на ходу фигуру. И когда Александр вылетел на боевое задание, в эфире прозвучал новый позывной:

— Я — «Карась», вижу самолеты противника!

В паре с гвардии капитаном Абишевым Саша сопровождал самолеты, бомбившие вражеский караван судов.

Над морем завязался ожесточенный воздушный бой — первый бой в жизни Заподобникова. Но новичок не растерялся. Спокойно, внимательно осматривал небо — не грозит ли опасность его ведущему. Увидев, что два «Мессершмитта-109» приготовились к атаке на Абишева, немедленно вступил с ними в бой. И атаку провел так умело и решительно, что фашисты, не выдержав, отступили.

На аэродроме все Сашу торжественно поздравили с успешным боевым крещением. Один из летчиков сказал:

— Молодец, Карась! Дрался ты, как настоящий сафоновец!

С этого дня мы относились к нашему самому молодому товарищу не только с большой симпатией, но и с уважением.

И в других воздушных боях Заподобников сражался храбро, уверенно. Но летал он только ведомым; на его боевом счету не было ни одной сбитой машины врага.

Не успел! Всего пять раз вылетел Заподобников на боевое задание. Но сражался так, что каждый раз после боя, в котором он принимал участие, опытные, закаленные в многочисленных воздушных сражениях летчики восхищались его смелостью и боевым мастерством: «Гвардейская хватка».

17 августа 1944 года летчики-североморцы вели бой над гитлеровским аэродромом. Среди них был и Саша Заподобников. В этот раз он был ведомым у Максимовича, зорко осматривался вокруг: не появятся ли вражеские самолеты. В разгаре боя мотор на машине ведущего внезапно начал работать с перебоями. Максимович вынужден был возвратиться на свой аэродром. Оставшись один, Заподобников, не теряя ни секунды, пристроился к своим истребителям и вместе с ними отгонял «мессершмитты», пытавшиеся прикрыть свой аэродром от бомбового удара.

Вскоре он сам оказался в роли ведущего — за ним неотступно следовал летчик Завириуха.

Неожиданно в эфире раздался спокойный голос:

— Я — «Карась». Подбит. Прикройте.

Тут же взмыл вверх и с разворота пошел к родному аэродрому. Завириуха полетел вслед за ним. Ему ясно было видно, что с самолетом Заподобникова происходит что-то неладное: то он сильно проваливался, то вновь набирал высоту.

С большим трудом Александр Заподобников перетянул линию фронта, и сразу его краснозвездный «ястребок» начал медленно снижаться.

«Александр уже не управляет своим самолетом. Он либо потерял сознание, либо мертв», — с беспокойством подумал Завириуха. И словно в ответ на его тревожные мысли машина Заподобникова рухнула около гранитной сопки.

Тело Саши Заподобникова нашли в тот же день. От удара самолета о землю его выбросило из пилотской кабины на крыло. Лицо было залито кровью: осколок вражеского снаряда попал ему в голову. И с такой смертельной раной он управлял машиной!

Большой, красивый подвиг совершил младший лейтенант Заподобников! Умирая, он собрал все свои силы, всю свою любовь к Родине и ненависть к фашистским захватчикам... Только бы дотянуть до своих, только не отдать себя и самолет врагу.

Похоронили Сашу с воинскими почестями. На его могиле

летчики-североморцы поклялись отомстить за смерть товарища. Клятву свою они сдержали.

И теперь, много лет спустя, заканчивая рассказ об Александре Заподобникове, его боевые друзья взволнованно говорят своим внимательным молодым слушателям:

— У Саши была настоящая гвардейская душа.

Призвание

Я, как и все курсанты, любил Петра Коломийца — высокого, широкоплечего юношу с зеленовато-серыми глазами и густой шапкой светлых волос — за его страстное увлечение авиацией, за ровный, веселый характер, за то, что был он хорошим товарищем. Петр всегда с радостью помогал тем, кто нуждался в его поддержке. Чаще всего это была помощь в учебе, главным образом в решении математических задач и примеров. Объяснял и доказывал он просто, ясно и убедительно. Именно поэтому к нему особенно охотно обращались товарищи.

Кроме математики у Петра был и другой, еще более сильный «конек» — высший пилотаж. Петр всячески старался, чтобы и остальные курсанты овладели мастерством высшего пилотажа. Во время учебных полетов он держался около отстающих, подбадривал их, помогая советами, показывал, как устранить ошибки.

Поэтому никто из нас не удивился, когда после окончания военного авиационного училища Петра оставили инструктором. Он уже вслух мечтал о том, как станет сам учиться, осваивать новую технику и все свои знания передавать ученикам.

Кому, как не ему, учить новичков! Ведь он не только сам отлично летал, но и умел увлеченно, с огоньком передать другим свои знания.

Словом, воспитывать будущих летчиков-истребителей — это подлинное призвание Петра Коломийца.

Получив назначение в черноморскую авиацию, я дружески попрощался с Петром, пожелал ему успехов, в которых не сомневался.

Началась Отечественная война. Петр Коломиец прекрасно понимал, что работа инструктора стала еще более ответственной, но он был молод, силен, уверен в своих знаниях и всем своим существом рвался защищать Родину с оружием в руках.

«...Я прошу отпустить меня на фронт, — писал он в одном из своих бесчисленных рапортов командованию. — На моем месте сможет работать человек пожилой и не с таким завидным здоровьем, как у меня...»

В конце концов его просьбу удовлетворили.

Весной 1942 года Петр Коломиец приехал в Заполярье. Его назначили в наш, тогда уже гвардейский североморский истребительный полк. Он быстро сдружился с летчиками полка и жаждал только одного — скорее встретиться с врагом.

А в те дни небо Заполярья содрогалось от жестоких

воздушных сражений. Несмотря на частые боевые вылеты, бывалые воины-сафоновцы Александр Коваленко, Павел Орлов, Василий Адонкин, Петр Сгибнев находили время, чтобы поделиться своим боевым опытом с Петром. На первое боевое задание Коломиец шел спокойно, чувствуя локоть фронтовых друзей.

Вернувшись из госпиталя в родной полк, я встретил Коломийца. Наша встреча была теплой и радостной. В тот же день Петр рассказал мне о своем первом воздушном бое. Говорил с жаром, словно все это произошло сегодня...

В то утро тяжелые серые тучи низко висели над аэродромом. Погода явно не благоприятствовала полетам.

— Разрешат ли вылетать? Наверное, нет! — с тревогой говорили летчики. Они стояли у самолетов, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

И техники, которые не жалели своих сил, старательно готовя к вылету боевые машины, тоже беспокоились:

— Неужели полет отменят?

Наша разведка донесла, что вражеская авиация готовится бомбить советские наземные войска. Поступил приказ командования: «Истребителям отразить в воздухе этот налет». Но погода, как назло, сильно ухудшилась, и новый приказ гласил: «Отставить боевой вылет».

— Сам понимаешь, какое у меня было настроение... Ведь в этот вылет я должен был получить боевое крещение. Я так ждал этого часа! — рассказывал Петр. — Я уже в отчаяние начал приходить. Все! Не полетим! И вдруг слышу: командир группы Петр Сгибнев, разговаривая с кем-то по телефону, спросил: «Разрешите? Не растеряемся!..»

Закончив разговор, Сгибнев несколько секунд стоял в задумчивости, потом решительно, крупными шагами направился к своему самолету. Техник самолета выбежал за ним и громко спросил на ходу:

— Ну как, товарищ капитан, полетите?

Сгибнев рассеянно посмотрел на него, но ничего не ответил, вспоминая предыдущее воздушное сражение и безжалостно выискивая допущенные тогда ошибки.

И только около своего истребителя Сгибнев негромко сказал что-то технику. Коломиец увидел, как тот рванул к самолету, и сразу же догадался: вылет разрешен.

Быстро надев парашют, Сгибнев подозвал к себе летчиков. Они обступили командира и внимательно выслушали боевое задание. Сгибнев говорил коротко и сдержанно. Тон его был необычно строгий.

— Обстановка, товарищи, очень сложная. В районе Титовки метеорологические условия таковы: сплошная облачность. Враг будет прятаться в облаках. Не забывайте: самое главное — осмоторительность. И еще раз напоминаю: нельзя действовать в одиночку. Держитесь друг за друга. Если облачность сильно прижмет нас к земле, полетим к морю и берегом вернемся на свой аэродром. Рисковать нельзя. Таков приказ!

Перед тем как сесть в кабину, Сгибнев внимательно посмотрел на своих летчиков. Он видел, что лицо каждого из них выражало одно: скорее в воздух! Сгибнев подумал: «Эти не растеряются! Народ бывалый». И тут же появилась беспокойная мысль: «Коломиец не обстрелянный еще!»

Но молодой летчик твердо выдержал взгляд командира. Сгибнев увидел в глазах новичка такое же горячее, как и у всех, стремление идти в бой и сразу поверил в него.

— Полетите моим ведомым, — приказал он Коломийцу. И, обращаясь уже ко всем летчикам, предупредил: — Сообщать в эфир только о появлении врага и об опасности. Мой заместитель в воздухе — капитан Адонкин. Всей группой идем к Рыбачьему. А сейчас по самолетам. Взлетаем по сигналу: две красные ракеты.

Вскоре хмурое небо прочертили две ярко-красные ракеты и тут же взревели моторы истребителей. Один за другим поднимались с аэродрома боевые самолеты и ложились на заданный курс.

По-прежнему низко над землей лениво плыли облака. Сгибнев вел свой воздушный отряд на бреющем полете, едва не задевая вершины сопков. Вот линия фронта осталась позади.

Теперь надо было тщательно замаскироваться и выжидать появление противника. Пока вражеских самолетов нигде не было видно.

Вдруг в эфире прозвучал голос Сгибнева:

— Впереди и выше нас под облачностью идут «юнкерсы» в сопровождении «мессершмиттов». Нас, видимо, не заметили, спокойно развернулись влево.

Группа Сгибнева продолжала свой полет прежним курсом до тех пор, пока не оказалась в тылу фашистских самолетов.

Около пятидесяти машин бросили фашисты на нашу морскую пехоту в районе Титовки. Стервятники пытались подойти незаметно, скрываясь в облаках. Но не удалось. Внизу их встретил меткий огонь наших летчиков.

— Выбирайте цель! Атакуйте самостоятельно! Прикрывайте товарища! — отрывисто передал Сгибнев и пошел в атаку на лидера «юнкерсов».

Дистанция между его истребителем и самолетом врага

быстро сокращалась.

Фашистский летчик летел со снижением, потом перешел в горизонтальный полет. Сгибнев вместе с Петром Коломийцем оказались в хвосте. «Сейчас командир откроет огонь!.. Бей же скорее!» — нетерпеливо думал Коломиец.

Однако Сгибнев не торопился. Он осторожно приподнял нос своего «ястребка» и только тогда открыл огонь. Меткая очередь прошла «юнкерс», и машина со свастикой свернула в сторону. Но было уже поздно: пламя охватило фюзеляж, перебросилось на хвостовое оперение. Горящий вражеский самолет несколько мгновений еще планировал, потом рухнул на землю.

Коломиец впервые увидел сбитый самолет. Одну-две секунды он провожал глазами огненный язык, окруженный густым облаком дыма.

Вскоре на гранитной сопке высоко в небо взметнулось пламя — еще один фашистский пират отлетелся навсегда.

В разгар воздушного боя Коломиец увидел, что летчик Адонкин погнался за «юнкерсом», а в этот момент в хвост ему начал пристраиваться «мессершмитт».

Волнуясь, Коломиец передал по радио: «Ноль два! Ноль два! В хвосте «мессер».

Услышав тревожное предупреждение, Адонкин энергично положил свой истребитель в глубокий вираж и ушел от вражеской атаки.

Сгибнев и Коломиец быстро сближались с «мессершмиттами» на встречных курсах. Но фашисты не выдержали атаки в лобовую и отвернули в сторону. Преследуя их, Коломиец поймал одного в сетку прицела. Дробное постукивание пушки и пулеметов — и из мотора «мессершмитта» вырвалось дымное пламя.

Окрыленный своей первой победой, Петр Коломиец дерзко, уверенно нападал на врагов, словно уже не раз участвовал в боях. Сгибнев одобрительно наблюдал за ним.

«Такой в бою не подведет», — радостно подумал он.

Налет гитлеровской авиации был отражен. Все наши машины благополучно вернулись на аэродром.

В этот день летчики долго вспоминали и детально обсуждали все перипетии сражения. В разборе принимал участие и Петр Коломиец. Теперь он — не новичок, а настоящий боец: сбить в первом же воздушном бою самолет врага — это удастся далеко не каждому.

Подводя итоги, Сгибнев сказал:

— Отвечу, почему Петр в первом же бою показал себя опытным воином. Выдержка и мастерство. Петр — истребитель по призванию.

И командир не ошибся. Сотни раз вылетал на боевое задание Герой Советского Союза Петр Леонтьевич Коломиец и всякий раз добивался успеха.

...Отошли в прошлое кровавые бои с гитлеровцами, заросли травой окопы, затерялись среди валунов обломки вражеских машин, но никогда не изгладятся из памяти народа имена героических защитников Заполярья и в числе их имя летчика-истребителя Петра Коломийца.

Прерванная песня

Летчики-североморцы во время отдыха с наслаждением слушали пение аса-истребителя Василия Адонкина. Голос у него был низкий, мягкого приятного тембра. Музыкальный слух — абсолютный. Но главное, он вкладывал в песню что-то свое, большое, сильное — пел ли Василий старинные русские песни или наши любимые, авиационные.

Василий до самозабвения любил пение и музыку. Он привез с собой гитару, которая удивительно мягко и верно дополняла его голос. Нередко поздно вечером в его землянке собирались однополчане. В такие вечера память выхватывала из жизненных впечатлений самые сокровенные воспоминания. Поет Василий о Брянских лесах, а кто-то из летчиков вспоминает родные строчки последнего письма из дому — сейчас гитлеровцы топчут знакомую с детства землю... И по-новому звучала известная песня, превращаясь в горячий призыв к мщению.

А рано утром гвардии капитан Василий Адонкин, всегда собранный, спокойно-уверенный, летел на боевое задание. И, глядя на его сурово сжатые губы, сведенные брови, трудно было поверить, что совсем недавно задумчивая улыбка придавала его лицу мечтательность и доброту.

* * *

Небо было на редкость чистое и безмятежное, будто бы и нет войны, будто бы и не здесь каждый день идут смертельные схватки с врагом...

В такую погоду хорошо мчаться на быстроходной моторке, разрезая волны, мчаться до тех пор, пока далеко позади останется берег и слышен будет только тихий рокот безбрежного, раскинувшегося до самого горизонта моря. И кажется, ничто не нарушит тишины и очарования широкого простора...

О такой прогулке я мечтал, возвращаясь с боевого задания на свой аэродром. И получаса не прошло с тех пор, как я вместе с другими летчиками-североморцами носился над плавающим транспортом противника, охраняя свои торпедоносцы. В дальних сопках еще грохотали орудия, слышался вой мин и характерный треск пулеметов. Но в безбрежном небе было сравнительно спокойно. Ровно и уверенно гудели моторы. А вот и аэродром...

Мой МиГ-3 садится близко, почти рядом с машиной капитана Василия Адонкина. Еще в воздухе я по радио услышал об

очередной победе нашего славного североморца: во время боя над морем он сбил два «мессершмитта».

Спешу поздравить товарища, но Адонкин отвечает нехотя, и совсем невесело смотрят его усталые глаза.

— Что хмуришься, Василий? — удивленно спрашивают летчики.

Адонкин молча показывает на свой самолет: три свежие пробоины. И я сразу вспоминаю: здесь же, на этом аэродроме, капитан Адонкин как-то беседовал с молодым летчиком. Тот совсем недавно приехал в наш полк и только что получил боевое крещение. Новичок, сияя от удовольствия, говорил:

— Посмотрите на фюзеляж, сколько у меня пробоин!

— В воздухе прозевал, а на земле петухом ходишь! Какой же ты после этого летчик?! Да еще истребитель! — резко оборвал его Адонкин и тут же пояснил: — Умелый воздушный боец не должен быть мишенью для врага. Сражаться надо так, чтобы огонь противника не коснулся твоей машины. Конечно, в бою всякое бывает... Но тогда огорчаться надо, даже стыдиться и уж во всяком случае не гордиться, не хвастаться!

После следующего боевого вылета молодой летчик поспешил к Адонкину:

— Ни одной пробоины, товарищ капитан!

— Молодец! И дальше так действуй!

«А вот сейчас... у самого...»

— Следы вражеских пуль на боевой машине отнюдь не украшают летчика-истребителя, — расстроено произнес Василий Адонкин. — Это ложка дегтя в бочке меда.

Он серьезно огорчен. Мы понимаем, что Василий прав, но нам хочется его успокоить. Но, несмотря на все попытки, у нас ничего не получается.

* * *

— Море — не суша, оно не прощает ошибок, здесь не спасет ни парашют, ни удачная вынужденная посадка. Вот почему к морским летчикам предъявляются повышенные требования. Самолет надо знать как пять пальцев и чувствовать его, как собственное тело, — не раз напоминал молодым пилотам капитан Василий Адонкин.

В сущности Адонкин повторял известные истины. Но в устах прославленного североморского аса эти истины звучали особенно убедительно: обладая всеми качествами, необходимыми морскому летчику, Адонкин всегда возвращался с победой. В бою

он зорко следил не только за маневром врага, но и за каждой своей машиной. Внимательно наблюдая за воздушным пространством, Адонкин всегда вел свой самолет так, чтобы в доли секунды увидеть все вокруг и успеть принять правильное решение. Поэтому линии, которые он прочерчивал в небе над Баренцевым морем, никогда не были прямыми. Но ничего общего не было в них с путаными зигзагами машин, бросавшихся из стороны в сторону.

Однажды он спокойно и уверенно сражался один против трех «мессершмиттов». Вражеские истребители вдруг поспешно бросились в разные стороны. Казалось, в этот момент каждый из них является легкой добычей для советского летчика. Но Адонкин никогда не поддавался на такую «удочку». И сейчас он сразу верно оценил обстановку: два «мессершмитта» намеренно стараются отвлечь внимание, в то время как третий готовится внезапно напасть на него с задней полусферы. Предупреждая атаку фашистского летчика, Адонкин первым открыл пулеметный огонь, стреляя короткими очередями. Василий ни на одно мгновение не забывал, что за ним с разных сторон охотятся еще два вражеских истребителя.

Заметив их приближение, Адонкин энергично развернул свою машину и пошел им навстречу. Те начали удирать, снижаясь и расходясь в разные стороны. Момент для внезапной атаки, казалось, самый выгодный: Адонкин имел запас высоты и скорости. И все-таки атака была очень опасна: один из самолетов противника находился сзади. Достаточно было Адонкину увлечься погоней и потерять высоту, как его самолет стал бы легкой добычей для врага. Адонкин был все время начеку, и, как только «мессер» потерял скорость, советский летчик молниеносно обрушился на него. Пикируя почти отвесно, он приблизился к противнику и в упор открыл огонь. Черная полоса дыма прочертила небо, и «мессер» врезался в сопки. Увидев это, оставшиеся «мессеры» форсировали двигатели до отказа и скоро скрылись из глаз.

Те, кто видел этот бой, долго вспоминали искусную боевую тактику Василия Адонкина, его смелость и высокое летное мастерство.

На другой день капитан Адонкин сопровождал на бомбежку вражеского аэродрома наши пикирующие бомбардировщики. Уже совсем близко у цели Адонкин обнаружил двух «мессеров», летевших в юго-западном направлении. Подобная «беспечность» противника заставила Адонкина насторожиться. Особенно подозрительным показалось ему, что истребители врага появились в тот момент, когда советские бомбардировщики

находились уже в районе аэродрома.

«Неспроста это. Тут какая-то хитрость, — подумал Адонкин. — Надо внимательно следить за обстановкой в воздухе».

Вскоре он заметил, что группа «мессеров» готовится с задней полусферы атаковать наши бомбардировщики. Расчет гитлеровцев был прост: советские истребители, заметив в стороне двух «мессеров», естественно, обрушатся на них, отвлекутся от сопровождаемых ими самолетов, и те останутся без прикрытия.

Вместе со своим ведомым Адонкин погнал фашистов на запад. Но нельзя увлекаться преследованием: в воздушном океане могут находиться и другие вражеские машины.

«Атакуя одного, помни, что в воздухе есть и другие самолеты врага» — это правило Адонкин никогда не забывал. Поэтому он поспешно набрал высоту. Такая предосторожность и на этот раз оказалась единственно правильным решением: над фашистским аэродромом действительно барражировали четыре пары истребителей.

— В воздухе восьмерка «Мессершмиттов-109», — передал Адонкин по радио своим ведомым. — Не выпускать их из поля зрения!

Осмотрительность, постоянно напоминал новичкам капитан Адонкин, важнейший закон для летчиков. Но этого одного недостаточно. Можно отлично видеть машину врага и не сбить ее. Только сочетая осмотрительность, маневр и огонь, можно добиться победы в воздушных боях. Исключительно важно заметить противника первым. Тогда можно выбрать неожиданный для врага маневр, обеспечивающий вероятность попадания, и уверенно, метко вести огонь с наиболее выгодной дистанции.

Не удивительно, что в воздушных боях с фашистами побеждал всегда Адонкин. Главной его боевой задачей было прикрытие транспортов, кораблей, наземных войск и аэродромов базирования.

Каждый боевой вылет Героя Советского Союза Василия Адонкина был настоящим воинским подвигом. В каждом бою он искал новые тактические приемы.

* * *

В жаркий августовский день капитан Адонкин вместе со своими боевыми друзьями сопровождал группу бомбардировщиков, совершавших налет на аэродром противника. Налет был настолько неожиданным для врага, что фашистские

зенитки открыли заградительный огонь только тогда, когда наши бомбы легли точно на цель: загорелись самолеты, складские помещения, аэродромное оборудование.

На свой аэродром истребители возвращались не только без потерь, но и не побывав в бою; они везли обратно неизрасходованные боеприпасы. Это серьезно огорчало Адонкина...

В порту Петсамо у причала стоял торпедный катер. Заманчивая цель! Адонкин вместе с ведомым спикировал и выпустил несколько пулеметных очередей. Над катером взметнулись языки пламени.

В тот же день Адонкин слетал еще и в разведку. Небо было ясное, золотой солнечный диск висел над горизонтом.

В районе Варде Адонкин сделал разворот и пошел курсом на северо-запад. Вскоре далеко в море он обнаружил гитлеровский транспорт, сопровождаемый кораблями охранения. Транспорт направлялся в порт Киркенес. Не теряя времени, Адонкин развернул свой самолет на юг, чтобы остаться для врага незамеченным, и тут же вызвал по радио группу наших торпедоносцев, которые в сопровождении истребителей вылетели в указанный квадрат для уничтожения вражеских кораблей.

* * *

Наконец наступила короткая передышка, и снова мы слушаем песни Василия Адонкина.

Однажды — никогда не забуду этот день! — Василий был в особенном ударе. Таким мы его еще не видели: он заразительно-весело смеялся, шутил... А как он пел тогда! Вместе с нами Василия слушала молоденькая медсестра Лида. Она улыбалась его шуткам, а когда он пел, не сводила с него восторженных, чуть раскосых глаз.

Василий вдруг неожиданно запел новую, но уже сильно полюбившуюся нам песню о встрече «с единственной в мире девушкой». О разлуке, о будущем свидании... Бледное лицо Лиды порозовело, она вся преобразилась, похорошела, ее волнение передалось и нам.

Боевая тревога прервала песню. Через несколько минут мы поднялись в воздух, чтобы прикрыть с воздуха наши наземные войска. Видимость была великолепной. Но мы летели к линии фронта так высоко, что внизу фигуры бойцов сливались с темно-серым фоном гранита и скал.

Выполнив боевое задание, Василий Адонкин вместе с

друзьями возвращался на аэродром бреющим полетом. Под крылом мелькали сопки, ущелья, окопы, блиндажи, землянки нашей морской пехоты.

— Вы сегодня допоете нам песню о девушке, товарищ капитан? — обратился в столовой к Адонкину молодой летчик.

Тот, бросив короткое «нет», торопливо ушел.

Юноша растерянно посмотрел ему вслед. Капитан всегда такой приветливый и доброжелательный. Что с ним?

Ничего не подозревая, вечером мы окружили Василия и начали просить его спеть. В ответ он отрицательно покачал головой, а выражение лица у него было такое, что никто не решался спросить почему.

На следующий день Василий сам объяснил:

— Не обижайтесь, друзья! Петь больше не буду... Не могу. Сердце щемит. Мы, летчики, хотя и знаем, что происходит на земле во время боя и после боя, но редко видим тех, кто отдал жизнь за Родину... Вчера я летел на бреющем... Видел павших. Тяжело, так тяжело...

До конца войны Василий не спел ни одной песни.

Секрет побед

Поздно вечером весной 1956 года я возвращался домой после теплой встречи с рабочими одного из московских заводов. Состояние радостной приподнятости, взволнованности не покидало меня: рабочие жадно слушали мои рассказы о боевых делах, о героических подвигах летчиков-североморцев в суровые годы войны.

И вот сейчас в автобусе, который спешил в Новые Черемушки, я вспоминал об этом.

Неожиданно негромкий женский голос назвал мою фамилию. Я обернулся. Пожилая женщина смущенно смотрела на меня.

Я узнал ее: это — вахтер подъезда, где живут мои хорошие знакомые.

— Здравствуйте, Анастасия Ивановна! — приветствовал я ее.

Прерывающимся от волнения голосом она тихо сказала:

— Оказывается, вы с племянником моим Пашей Орловым вместе воевали. Я только вчера в журнале прочла. Собиралась разыскать вас, чтоб поговорить с вами, попросить подробнее рассказать о Паше. Он ведь приемный сын мне, Паша-то... Шести лет ему не было, как моя сестра — его мать умерла, и я взяла его к себе.

На другой день вечером Анастасия Ивановна пришла ко мне домой. Беседа наша затянулась далеко за полночь. Я подарил Анастасии Ивановне сохранившиеся у меня фотографии капитана Орлова.

Гостя ушла, а я сидел и вспоминал Павла Орлова. В моих ушах все еще звучал голос Анастасии Ивановны: «Рос парнишечка белоголовый, смышленный, геройского-то в нем вроде ничего и не было. Но поозорничать маленько любил. Возраст, видно, такой, малолетком остался без матери. Постарше стал — остепенился. Любили мы его очень...»

И мы, летчики, любили Павла Орлова. Любили и уважали. Помню, как будто это вчера было. Вот он, медлительный, большеголовый, широкоплечий, идет неуклюже, вразвалку. Но в воздухе Павел преображался. Опытные летчики восхищались его смелыми, мастерскими полетами. Казалось, что он и родился летчиком.

И вот теперь, много лет спустя, я узнал, что путь Паши в авиацию был совсем нелегким.

Мальчишкой он начал работать в сапожной мастерской.

— Старайся! Станешь хорошим мастером — сам сыт будешь и семью прокормишь, — говорил ему отец.

И Паша старался. Любую работу выполнял добросовестно, и его постоянно за это хвалили. Но профессия сапожника была ему не по душе.

В 1935 году прозвучал призыв — стране нужны 150 тысяч летчиков! Павел Орлов стал учлетом Московского аэроклуба. Упорно, настойчиво овладевал летным мастерством. Окончив аэроклуб, он понял: летать — его призвание.

В воздушных боях с врагом Павел всегда мысленно повторял наказ Бориса Сафонова — своего командира:

«Помни: враг бежит, если ты смело нападаешь, презирая смерть, если ты не знаешь другой цели, кроме одной — победить!»

И Орлов побеждал. Его атаки были дерзкими. Неожиданный маневр, трезвый расчет, решительность, хладнокровие — этим отличался Орлов в бою. Суровое небо Заполярья с его постоянными снежными зарядами, штормами, тяжелыми облаками, густыми туманами закалило боевого летчика.

Зато на земле он был мягок, добродушен. И особенно внимательно, как старший брат, заботился о новичках. Те не раз обращались к нему за советами по вопросам, не имеющим никакого отношения к летной службе. И по-видимому, Павел Орлов умел на них отвечать — молодежь всегда тянулась к нему.

...В один из июльских дней группа истребителей под командованием гвардии капитана Орлова сопровождала наши торпедоносцы, которые должны были нанести удар по вражескому каравану, находившемуся в районе Киркенеса. Низкая облачность благоприятствовала внезапному налету торпедоносцев.

Развернувшись со стороны моря к фашистскому каравану, летчики-сафоновцы обнаружили группу прикрытия в составе восьми «Мессершмиттов-109».

Стена шквального огня из зенитных орудий и пулеметов с кораблей врага преградила путь нашим самолетам.

Павел Орлов принял дерзкое решение и скомандовал:

— Разогнать воздушный патруль противника.

Увлекая за собой ведомых, он искусно прорвался через огненное кольцо зенитного огня.

Зенитки забили еще свирепей. Но наши летчики уже атаковали фашистские машины. Они наносили им удар за ударом.

Храбро и умело дрался ведомый старший лейтенант Виктор Максимович. Навязав противнику воздушный бой, он бил пулеметными очередями по «мессершмитту». Тот пытался уйти, но напрасно. Максимович преследовал его до тех пор, пока

вражеский самолет, охваченный пламенем, не упал в море.

Не выдержав дружной атаки советских истребителей, фашисты попытались спрятаться в облаках. Но и там их достал огонь наших пулеметов.

А торпедоносцы тем временем всю силу своего оружия обрушили на вражеский караван. Два транспорта пошли ко дну.

Осматриваясь вокруг, не грозит ли опасность торпедоносцам, капитан Орлов заметил «мессершмитт», летевший почти над самой поверхностью моря. Он разгадал маневр фашиста: тот выжидал удобный момент, чтобы внезапно атаковать торпедоносцы. Тогда, не обращая внимания на завесу пулеметного огня, Орлов спикировал вниз, а следом за ним — Максимович. Молнией пронеслись они над транспортом и кораблями охранения и на бреющем полете догнали врага. «Мессеру» не дали возможности набрать высоту. И как фашист ни ухищрялся, а Павел Орлов через несколько секунд зашел ему в хвост. Короткие очереди в упор — и еще один стервятник отправился на морское дно.

Выполнив боевое задание, летчики без потерь вернулись на свой аэродром.

* * *

...Это произошло уже зимой. За нашими транспортами, которые направлялись в Мурманск, погнались три десятка фашистских бомбардировщиков. На перехват вылетели советские истребители.

Пробив толстый слой облаков, Павел Орлов сразу же увидел трех «Хейнкелей-111». Количественное превосходство врага не смутило его. Смелой атакой он заставил фашистов свернуть с боевого курса.

«Хейнкели», нарушив строй, поспешно и беспорядочно сбросили бомбы и попытались удрать на запад. Но Орлов уже зашел в хвост одной из вражеских машин и пулеметными очередями поджег ее. «Хейнкель» врезался в воду вблизи нашего каравана.

Израсходовав весь боеприпас, Орлов решил вернуться на свой аэродром, но в этот момент увидел, что, маскируясь слоисто-кучевыми облаками, к каравану приближается группа «юнкерсов». Бомбовый груз мог вот-вот обрушиться на наши транспорты.

Зенитная артиллерия кораблей охранения открыла огонь. Вражеские машины, немного уклонившись от прежнего маршрута, приближались к цели. Орлов знал: ни одна бомба не должна

упасть на транспорты. Патронов у него не было, оставался один выход — идти в лобовую атаку.

Позже он рассказывал товарищам:

— Я был уверен: враг не устоит перед лобовой атакой. В ней обычно выдерживает тот, у кого крепче нервы. У гитлеровцев сдали нервы: они отвернули в сторону, бесприцельно сбросив бомбы. Исход воздушного сражения всегда решает инициатива, наступательный дух, стремление победить во что бы то ни стало. Самое сильное и грозное оружие — воля к победе. И тот, кто владеет этим оружием, всегда будет победителем. Герой Советского Союза Павел Иванович Орлов за свою короткую фронтовую жизнь сбил двенадцать фашистских самолетов. Он погиб весной 1943 года, защищая родное советское небо. Мы потеряли не только великолепного мастера-летчика, но и чудесного, задушевного друга.

Судьбы героев

Ейское высшее ордена Ленина авиационное училище. Оно стало мне таким же родным, как те места, где я родился и рос, как моя школа, как тот аэроклуб, где впервые узнал, какое счастье управлять крылатой машиной и чувствовать, что она послушна тебе! Многих летчиков, о подвигах которых сложены легенды, выпестовало Ейское авиационное училище.

Здесь овладевали искусством полета первые Герои Советского Союза Василий Молоков и Сигизмунд Леваневский, спасшие челюскинцев из ледового плена.

Если бы воздух мог сохранить смело и красиво вычерченный рисунок фигур высшего пилотажа, то сегодняшние курсанты над аэродромом училища увидели бы почерк дважды Героя Советского Союза Алексея Мазуренко.

В Ейском училище получил путевку в летную жизнь и Герой Советского Союза Евгений Преображенский. Осенью 1941 года он первым бомбил военные объекты фашистского логова — Берлина.

А мои однокашники пришли в училище из аэроклубов по путевкам ЦК комсомола. Стране нужны были морские летчики, чтобы охранять воздушные пространства над пограничными морями и океанами.

Ясный путь лежал перед нами. Пройти его с честью, не сбиться с главной магистрали на боковые дорожки, извилистые тропки — вот к чему мы стремились.

Жили мы одной дружной семьей. Словно только вчера соревновались в полетах, в учебе, а на досуге увлекались спортом и танцами, бродили по тенистым аллеям парка имени Калинина. Наша семья была поистине многонациональна: и украинцы Борис Литвинчук, Демьян Осыка, и осетин Геннадий Цоколаев, и русские, и многие, многие другие.

* * *

Борис Литвинчук, жизнерадостный юноша с открытым, приветливым лицом, прекрасный спортсмен, был общим любимцем в училище. Его летным успехам одинаково радовались и преподаватели, и курсанты.

— Красиво летает Борька, — восхищались товарищи, наблюдая за каскадом фигур высшего пилотажа.

— Молодец, Литвинчук! — говорил инструктор, когда Борис, посадив свой истребитель на три точки, легко выпрыгивал из

кабины и четко рапортовал о полете.

Окончив училище, Борис получил назначение в черноморскую авиационную часть. И там тоже завоевал авторитет среди новых своих друзей. У него оказались большие педагогические способности — он не только охотно, но и умело передавал товарищам свой опыт.

В свободное время Борис увлекался рыбной ловлей. Крепкий, ловкий, собранный, он быстро научился управлять парусами, и рыбаки приняли его в свою компанию. Тогда он познакомился с дочерью евпаторийского рыбака, веселой и разбитной Шурой. Пела она так, что мы слушали ее, словно завороченные, а что же говорить о Борисе...

Выходной день Борис мечтал провести с Шурой. А накануне выходного дня мы неожиданно узнали, что Василия Титова переводят в другую часть. Василий радовался новому назначению, но... до сих пор не освоил он правильный расчет при заходе на посадку. Не хочется, да придется краснеть перед новыми товарищами!

— А ты попроси Бориса — он поможет, — посоветовали ему друзья.

Борис Литвинчук не колебался. Весь выходной день он отрабатывал с Василием расчет при посадке. Уезжая, Василий благодарно обнял его. Теперь-то он точно и красиво посадит свой самолет!

И в следующий выходной день не пришлось Борису побыть с Шурой. В это утро началась война.

Много раз участвовал Литвинчук в штурмовках аэродромов противника, охранял с воздуха наши корабли и транспорты. Летал он и в дальние рейсы. Его истребитель и истребитель напарника подвешивали вместе с бомбовым грузом к авиаматке — тяжелому четырехмоторному бомбардировщику ТБ-3. Над целью бомбардировщик сбрасывал бомбы, а Литвинчук вместе с ведомым отцеплялись от авиаматки и, перейдя на свободный полет, защищали ее от неприятельских истребителей.

Пятнадцать фашистских самолетов на боевом счету Бориса Литвинчука. До последних дней войны сражался он с врагом.

После войны Борис поступил в Военно-воздушную академию и там учился так же упорно и так же успешно, как и в Ейском авиационном училище.

Прямой, светлый путь открыт перед Борисом Михайловичем Литвинчуком. Рядом с ним его большая, чистая любовь — черноглазая дочь рыбака из Евпатории...

Под жарким, южным солнцем родился кавказец Геннадий Цоколаев. А сражаться с врагом ему пришлось в хмуром небе прохладной, дождливой Балтики.

Он защищал от гитлеровских захватчиков Таллин, Ригу, Ленинград.

Стремительно штурмовал он фашистские корабли и транспорты, смело и находчиво вел воздушную разведку: наше командование получало от него ценнейшие сведения.

На Ленинградском фронте тогда шли жестокие бои. Ни небо, ни земля, ни люди не знали передышки. И днем и ночью летал Геннадий Цоколаев.

Свыше трехсот боевых вылетов совершил он, двадцать фашистских машин сбил во время воздушных сражений.

Грудь Геннадия Цоколаева — прославленного ленинградского аса украсила Золотая Звезда Героя Советского Союза.

* * *

Выпускник Ейского училища — Демьян Осыка получил назначение в штурмовую авиацию.

Сражался он далеко от своей родной Украины — в небе Заполярья. Точный расчет, зоркий глаз — и от бомбовых ударов взлетали склады с боеприпасами и горючим, горели танки и автомашины. Пять транспортов противника потопил он, сбил три самолета.

* * *

Комсорг нашей эскадрильи Василий Хряев, узкоплечий юноша, с бледным, немного усталым лицом, на первый взгляд казался слабым, хрупким. На самом деле Василий обладал завидным крепким здоровьем. Он был хорошим спортсменом, застрельщиком физкультурных соревнований. По общему мнению, Василий был первоклассным летчиком. Товарищи часто любовались сложными фигурами, четко вычерченными его самолетом.

В воздушных сражениях с гитлеровскими асами Василий Хряев одержал немало побед. Он защищал Севастополь, Одессу, Керчь, Новороссийск. Успешно прикрывал от налетов вражеской авиации наши корабли, транспорты и наземные войска, сопровождал бомбардировщики. Больше десятка вражеских

машин уничтожил в боях Василий Хряев.

Я побывал в Ейском высшем авиационном училище за несколько дней до славного сорокалетнего юбилея. Приехал я сюда после большого перерыва. Многое переменилось: и люди уже другие, и самолеты, и оборудование. В комнате боевой славы я увидел макеты старых боевых машин: Р-1, И-1, И-5, И-16, СБ. Рядом с ними стояли макеты современных реактивных самолетов. Это была очень красноречивая иллюстрация истории советской военной техники, темпов ее развития. Курсанты, продолжатели нашего дела, заполняли знакомые аудитории... Я чувствовал волнение и думал о том, что эти чудесные ребята, если Родине будет угрожать опасность, так же как и мы, не жалея сил, встанут на ее защиту. А на стенах висели портреты известных всей стране летчиков — воспитанников училища. Среди них было немало моих однокурсников.

Я долго стоял перед портретами своих друзей и думал о том, сколько пришлось им перенести в жизни. Их молодость прошла в непрерывных боях, вместо музыки приходилось слушать грохот орудий, взамен песни — пулеметную и винтовочную стрельбу...

Трудная, но прекрасная молодость! Борису Литвинчуку, Геннадию Цоколаеву, Демьяну Осыке и Василию Хряеву было с кого брать пример: подвиги героев гражданской войны говорили об огромной душевной силе и высоком патриотизме коммунистов.

Сейчас в Ейском училище учится талантливая молодежь. Курсанты летают на новых сверхзвуковых реактивных машинах. У каждого из них свои мечты, свои достижения. И старшие товарищи, чьи портреты висят в комнате боевой славы, своей героической судьбой всегда зовут их к подвигу.

Неоконченный разговор

Вечер подкрался незаметно. Пока я шел по близким к вокзалу улицам, было еще светло и сильный осенний ветер гнал к морю тяжелые облака. На западе клубились темные, с пушисто-белой каймой тучи. Уходящее на отдых солнце так и не сумело прорваться сквозь их толщу и послать на землю хотя бы один, даже самый слабый прощальный луч.

Как только на город спустились сумерки, он сразу стал серым, неприветливым. Но тут же вспыхнули огни, много огней; они ярко горели в уличных фонарях, светились в окнах домов. В конце убегающей вверх улицы засияло золотом электричества большое здание гостиницы. По соседству с ней стоял скромный небольшой дом. В этот дом я и спешил... Улица круто поднималась в гору, и идти было нелегко.

Усталый, я поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь открыл хозяин — Анатолий Калитников. Радостно-возбужденный, он обнял меня за плечи:

— Ребята давно собрались, тебя ждем. Пошли скорее!

Я извинился:

— Друг ко мне заглянул... повидаться... Проездом он здесь был. Проводил его на вокзал — и сразу к тебе.

В столовой весело шумели наши летчики-североморцы. Жена Анатолия Лида, сильно разругавшаяся не то от плиты, не то от хлопот, усаживала гостей за стол и шутливо приговаривала:

— В тесноте, да не в обиде.

Я поздоровался с присутствующими и поискал глазами Василия Смагина — техника самолета Калитникова. Но Василия не было. Странно!.. У Анатолия такой праздник — долгожданное новоселье, а самый близкий товарищ почему-то не пришел. Жаль... Я знал Смагина давно. Это — интересный человек, у него многое можно узнать, многому научиться: он всерьез увлекается новой техникой, и не только авиационной.

Я сразу обратил внимание на отсутствие Василия Смагина еще и потому, что только недавно расстался на перроне вокзала со своим боевым товарищем Степаном Ильченко, уехавшим в Ленинград, техником самолета, на котором я сражался во время войны в небе Заполярья. До чего же дорог мне Степан! В тяжелые боевые будни, когда не раз одному бывало непосильно трудно, вместе мы всегда находили выход из любого положения. Со Степаном мы были неразлучны. Встречая нас, товарищи приветствовали шутливо-торжественно:

— Экипаж машины боевой!

Вскоре после войны Степан уволился в запас, работал на Севере, а сейчас, получив назначение в Ленинград, заехал попрощаться со мной.

Последнее время мы виделись с ним редко, переписывались, признаться, тоже не очень часто, но фронтовую дружбу не теряли.

* * *

Улучив удобную минуту, спрашиваю Анатолия:

— Почему не пришел Смагин?

На добродушном, оживленном лице Калитникова появляется недоумение:

— А я и не звал Василия... Ты же видишь... одни летчики...

— Что же, по-твоему, мы, летчики, из другого теста сделаны? Или Василий хуже нас?

— Ну это ты загнул! — Андрей насупился. — Сам знаешь, Василия я уважаю, работяга он замечательный. Но ведь с летчиками у меня больше общих интересов, а ему, конечно, у нас было бы скучно. Ему интереснее провести свободное время со своими товарищами, «технарями».

— С «технарями»? И кто выдумал это слово — обидное, пренебрежительное, — возмутился я.

Лида уже заметила в нашей беседе что-то неладное и подошла к нам с тревожным вопросом в больших серых глазах.

— Ты, Анатолий, слишком увлекся спором и забыл об обязанностях хозяина, — мягко сказала она мужу. И тут же извиняющимся жестом положила на мое плечо тонкую руку: — Я все жду, когда наконец произнесете тост в честь нашего великолепного обиталища.

Конечно, она права. Я пришел на новоселье к товарищу, и мне полагалось быть веселым, общительным. Я взял себя в руки и выбросил из головы неприятные мысли.

* * *

Возвращаясь домой, я вспомнил неоконченный разговор с Анатолием.

«А ведь он искренно убежден, что прав», — огорченно думал я.

Как же получилось, что боевой летчик так несправедливо относится к технику — своему верному помощнику?

Анатолий — отличный летчик, хороший, честный человек.

Вырос в простой трудовой семье. Умеет ценить труд — и не только свой. Не один раз говорил мне о безотказной и очень квалифицированной работе техника Василия Смагина.

А оказалось, Анатолий не совсем понимает, что значит для боевого летчика техник и на войне, и в мирное время. Что же тогда спрашивать с молодых, неопытных пилотов? Кто им объяснит, что выполнение боевого задания, а иногда и жизнь летчика зависят от техника: от его знаний, практических навыков, добросовестности. Техник придирчиво готовит машину к полету, тщательно проверяет исправность всех приборов, механизмов и оборудования, чтобы летчик мог спокойно лететь.

А часто ли молодые летчики работают вместе с техниками? Некоторые из них даже в часы, отведенные для работы на материальной части, предпочитают играть в шахматы или в домино. Они не хотят «пачкать руки».

Есть, конечно, и другие. Но нам необходимо, чтобы каждый летчик знал материальную часть не только теоретически. Это необходимо и для того, чтобы летчик в любой момент мог проверить работу техника: встречаются нерадивые или недостаточно знающие свое дело техники. В первом случае надо «подтянуть», во втором — помочь. Но это возможно, если летчик знает машину как свои пять пальцев. Иначе, как указать технику на недостатки в его работе? Как помочь ему советом, а то и делом?

Много раз пришлось мне с техником и мотор менять, и плоскости, и узлы шасси... И я совсем не обижался, когда Степан Ильченко учил меня, молодого летчика. Наоборот, был благодарен ему: моих знаний материальной части, полученных в авиационном училище, было явно недостаточно.

Начальник училища полковник Андреев говорил нам, выпускникам:

— Чтобы стать настоящим боевым летчиком, вам надо года три прослужить в боевом соединении. Тогда вы научитесь летать днем и ночью, при любых метеорологических условиях. Это умение придет к вам только после того, как вы узнаете свой боевой самолет во всех его мельчайших деталях. А для этого не пренебрегайте работой на материальной части.

Я крепко запомнил эти напутственные слова и не раз мысленно благодарил его. Особенно пригодился его совет во время воздушных боев.

Помню одно из первых сражений над морем. Жаркое было сражение! «Юнкерсы» и «мессершмитты» рвались к Мурманскому порту, а наши истребители, перехватив противника, открыли пулеметный огонь с близких дистанций.

Атаки следовали одна за другой. Уже третий «мессершмитт», сделав переворот через крыло, рухнул вниз. То же случилось и с «юнкерсом».

Фашистские летчики, убедившись, что к Мурманску им не прорваться, начали прятаться за облаками. Тогда по приказу ведущего мы быстро набрали высоту и помчались наперерез врагу. Вскоре еще две фашистские машины нашли свою могилу в глубинах Баренцева моря. В этом бою я тоже сбил «юнкерса», но на свой аэродром еле-еле добрался: у моего истребителя был поврежден руль поворота.

Степан Ильченко встретил меня на аэродроме и невесело покачал головой. Боевой день только начался, а моя машина уже вышла из строя.

— Давай вдвоем займемся заменой руля, — предложил я Степану, — тогда у нас дело скорее пойдет! Верно?

Ильченко засмеялся:

— Не терпится еще фашиста сбить? Ну что ж, попробуем, приналяжем...

Не прошло и часа, а мой истребитель был уже в боевой готовности.

Вскоре с командного пункта взвилась красная ракета — сигнал «Воздух». В этот день я сбил еще один самолет. Степан горячо радовался этой удаче.

Через несколько дней, во время взлета по боевой тревоге, впереди моего истребителя разорвалась бомба, сброшенная с вражеского самолета Ю-88. Взрывной волной мою машину бросило в сторону, правая плоскость и стабилизатор оказались поврежденными.

И на этот раз мы с Ильченко работали вместе: отремонтировали плоскость, заменили стабилизатор.

Нашу дружбу крепила общая работа. Засучив рукава комбинезонов, мы снимали капот, проверяли исправность машины, чистили детали пулеметов и пушек, заменяли изношенные части новыми. А после войны вместе учились — новая техника требует больших серьезных знаний.

* * *

В окно заглянул бледный рассвет, а я еще не мог заснуть: все вспоминал... Сильно взволновал меня незаконченный разговор с Анатолием. Я не сомневался в своей правоте. Но как ее доказать? Эх, Анатолий, Анатолий!

«Сегодня поговорю по душам с Калитниковым, расскажу ему

все, что передумал за сегодняшнюю ночь, а выводы пусть делает сам», — это решение помогло мне успокоиться...

Душа полка

Поздней осенью в Заполярье солнце почти не поднимается над горизонтом. Город тонет в серых прозрачных сумерках.

Война! В притихшем порту еле видны контуры кораблей, спешащих уйти в открытое море. Из глубины помрачневшего неба доносится далекий шум, а временами и оглушающий рев патрулирующих над портом самолетов.

Ближе к ночи сумерки сгущаются, и чернота заливает улицы и переулки. Дома стоят мрачные, слепые, и очень редкие в эти часы прохожие невольно задумываются: что же там, внутри, за старательно замаскированными окнами? Может быть, холод, темнота, пустота...

На одной из центральных улиц около большого затемненного здания клуба оживление. То и дело хлопает наружная дверь подъезда, изредка ручные электрические фонарики на короткий миг освещают каменные ступени.

Веселые праздничные огни старательно прячутся в залах и фойе: все окна клуба тщательно замаскированы. Трудно даже представить себе, что до войны этот клуб стоял залитый ослепительно-ярким светом и был виден с палуб кораблей, стоявших на рейде. А сейчас... мрачный, сливающийся с темнотой дом, как и все другие. Впрочем, не совсем такой. Из него несутся звуки музыки. Молодость есть молодость: и в дни смертельных схваток с врагом сердца тянутся к песне, к музыке, к счастью.

Летчик Федор Латышев торопливо шагал по неосвещенной улице к клубу. На душе у него было смутно, невесело. Вечер, который он ожидал с таким нетерпением, вдруг превратился для него в какое-то испытание. Если бы можно было сегодня не идти в клуб! Но еще неделю назад он обещал Лене быть на этом вечере вместе со своим штурманом Виктором Петровым.

С Леной Федор встретился впервые на прошлой неделе. Они одновременно пришли в книжный магазин за одной и той же книгой и, конечно, по этому случаю разговорились. У них оказалось очень много общих интересов, расставаться не хотелось, и они долго бродили по улицам.

Широкоплечий, высокий Федор, прощаясь, бережно пожал узкую руку Лены. Договорились встретиться на вечере в клубе.

Всю неделю Федор думал о Лене, иногда даже во время боевых полетов вспоминал ее оживленное лицо, большие глаза с затаенной грустинкой и прядь волос, выбившуюся из-под толстого шерстяного платка, связанного, наверное, заботливыми

руками мамы...

Федор рассказал Виктору о новой знакомой в тот же вечер: у него не было секретов от друга. Оба — сибиряки, они впервые встретились здесь, в северном приморском городе, точнее, в двадцати километрах от него, в землянке, прилепившейся к скале, и с тех пор крепко подружились.

Перед самым отъездом Федор получил письмо из дому. Он обрадовался, увидев на конверте неровный почерк матери, и поспешил распечатать письмо.

Анна Прокофьевна писала сыну в сдержанных тонах, но безысходное отчаяние сквозило в каждой строчке, в каждом слове. Она осталась с пятилетней внучкой: дочь ее тоже была на фронте. До сих пор она жила в небольшом, покосившемся трехкомнатном доме, где родилась, выросла, где вырастила своих детей. И вот неожиданно ее переселили в маленькую сырую комнату, а у внучки слабые легкие...

Федор представил себе мать: высокая, очень худая, усталая. Глаза у нее чаще всего печальные и задумчивые. Она всегда сдержанная, жаловаться не любит. Значит, сил не хватило молчать, значит, очень трудно ей сейчас...

А чем можешь?

Не хотелось никуда идти. Даже мысль о встрече с Леной вызывала раздражение.

Виктор, ничего не подозревавший, встретил товарища весело и шумно. Федор молча пошел рядом с ним. Лена с подругой ожидала их в фойе, веселая, нарядная. Федор, натянуто улыбаясь, поздоровался с девушками, познакомил их с другом. Белокурая хорошенькая Ася понравилась Виктору меньше Лены, но, помня о товарище, он пригласил ее танцевать. Лена осталась с Федором. Но она не узнавала его: он был молчалив, рассеян, танцевал явно неохотно. Девушка обиделась на него, но он этого не заметил.

Виктор недоумевал, что с Федором? Отвернулся от них, дуется, неужели ревнует к нему Лену? Смешно и глупо. Он один пошел провожать девушек, а Федор, сухо простившись с ними, поспешно направился в часть.

Всю ночь он не спал.

...Рано утром летчиков подняли по тревоге. К Мурманску приближался караван союзников, надо было прикрыть его с воздуха.

Когда Федор влезал в кабину своего самолета, вид у него был измученный, нездоровый, и Виктор, внимательно посмотрев на товарища, сказал:

— Следовало бы тебе отставить полет.

Федор промолчал. Но, как ни старался, не мог сбросить с

себя какое-то непонятное оцепенение.

— Вижу фашистов, — предупредил Виктор.

С тупым безразличием Федор смотрел на приближающихся «хейнкелей». И вдруг неожиданно возникло чувство боевого азарта. Он прибавил газу и помчался на перехват вражеских самолетов.

Но бессонная ночь сказалась: он недостаточно четко рассчитал свой маневр — лишние секунды, лишние метры — и в тот момент, когда нажал гашетку, от острой боли на секунду потерял сознание. Он почти тотчас же пришел в себя, однако кровь заливала глаза, мешала видеть. Пуля пробила ему переносицу. Виктора тоже ранило, но сравнительно легко.

— Виктор, командуй, а я поведу машину, — с трудом произнес Федор. Всю свою волю он сосредоточил на том, чтобы не потерять сознание.

Долгим и мучительным был путь до аэродрома. Голос Виктора то доносился глухо, словно сквозь толстую стену, то пропадал совсем:

— Федя, бери немного влево. Хорошо! Так держи! — И уже еле слышно: — Подверни на пятнадцать градусов правее.

«Дотяну ли до аэродрома?» — думал Федор.

— Должен! — отвечал он самому себе.

По командам Виктора он благополучно посадил самолет. Что было дальше — не помнил... Очнулся в санчасти.

У полковника Сергея Яковлевича Зимина на изможденном, с желтизной лице удивительно спокойные и всегда ясные глаза. Зимину нет и сорока, и все же летчики-североморцы зовут его между собой — Батя. Слово «батя» летчики произносят с искренней теплотой.

Зимина успели полюбить, хотя он недавно пришел в полк. Он заместитель командира полка по политчасти. Пришел и в первый же день начал знакомиться с личным составом, не по анкетам, конечно. Как служит человек, о чем мечтает, к чему стремится — вот что для него было самым главным.

Впрочем, замполит заботился не только о людях, но и о машинах. Инженер-механик по образованию, он пришел к техникам, инженерам и сначала только смотрел, как они готовят самолеты к боевым вылетам, а потом сам стал помогать им.

— От того, как подготовлен самолет на земле, зависит успех летчика в воздухе, — любил повторять он.

В этих словах не было никаких новых открытий, и все же одних они убеждали, а других заставляли задумываться. Самолеты, как правило, уходили в воздух отлично подготовленными. А мы удивлялись: как это Зимин все успевает?

Когда же он отдыхает? Его можно было видеть и на старте, и в столовой, и в санчасти, и в клубе, и у землянок. Он беспокоился о каждом из нас, действительно, как о родном сыне.

Узнав, что Федор Латышев и Виктор Петров ранены, Зимин поспешил их навестить.

Федор сильно ослаб от потери крови — спал. А Виктор, чуть-чуть прихрамывая, бесцельно бродил по маленькому узенькому коридорчику. Рану свою он считал пустяковой, и ему хотелось уйти в свою землянку к товарищам, но врач санчасти не разрешил.

Заметив огорчение на лице штурмана, он сказал:

— Будет все хорошо, завтра отпуска.

Увидев Зимина, Виктор обрадованно бросился к нему, забыв о раненой ноге.

— Товарищ замполит, меня только слегка царапнуло и незачем мне здесь отлеживаться. Сергей Яковлевич, скажите, чтоб отпустили. — Виктор выпалил это, возбужденно размахивая руками.

Зимин отрицательно покачал головой:

— Ничего не могу поделать, Виктор. Врачам виднее. Придется потерпеть. А где Латышев? Спит? Как он себя чувствует? Пойду поговорю с хирургом и вернусь к вам. Хочу послушать рассказ о сегодняшнем бое.

Через несколько минут замполит вернулся и мягко сказал Виктору:

— Федору придется немного полежать. Он, оказывается, еще легко отделался, а ведь мог бы остаться без глаз.

...Зимин умел расположить к себе собеседника. В санчасти он узнал и о вчерашнем вечере в клубе, и о подавленном состоянии Федора перед утренним боем и решил поговорить обо всем этом с ним.

Латышев проснулся среди ночи. Голова у него горела, во рту пересохло. Хотелось пить. Он потянулся было к звонку, но тут же отдернул руку: «Нет, не буду беспокоить сестру. Сам виноват, распустился. Так мне и надо!»

Сразу же вспомнилось письмо матери.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Федор стал перебирать в памяти свои боевые вылеты. Около года прошло с того дня, когда он, окончив училище, прибыл сюда, в североморскую гвардейскую часть. Перед первым боевым вылетом Федор очень волновался: боялся сделать какую-нибудь непоправимую ошибку. И вот он летит бомбить вражеский аэродром.

Сначала все было замечательно. Один за другим поднялись в

воздух летчики. И справа, и слева, и впереди, и сзади Федор слышал знакомый гул моторов, казалось, что со всех сторон к нему протянуты руки товарищей и, если он начнет падать, его непременно поддержат.

...Для фашистов налет был неожиданным. Наши начали бомбить стремительно, не дав врагу опомниться. Самолеты противника не успели даже подняться в воздух, они пылали вместе с ангарами и аэродромными сооружениями.

Советские самолеты, отбомбившись, развернулись и легли на обратный курс. Внизу ветер гнал свинцовые волны. Настроение у наших летчиков было прекрасное. Еще бы! Такая победа!

Только Федор Латышев сидел за штурвалом сильно расстроенный. За короткие минуты налета он не успел израсходовать все свои бомбы, а привезти их обратно — ведь это позор!

«Хотя бы встретить подходящий объект для бомбежки!» — с надеждой думал Федор, оглядываясь вокруг. И вдруг он увидел...

Грязно-серые гранитные сопки высились над фиордом. Маскируясь под их фон, притаился фашистский транспорт.

С бьющимся сердцем Федор круто спикировал на транспорт, четыре оставшиеся у него бомбы точно угодили в палубу корабля, и сразу же над фиордом взметнулся высокий столб черного дыма, перевитого пламенем. Хлопья гари поднялись высоко-высоко и расплзались по небу в разные стороны темно-серыми грязными облаками.

Федор запел от радости, и, хотя не слышал своего голоса из-за шума мотора, ему казалось, что поет он необыкновенно хорошо. Крылья несли его к аэродрому. Он был счастлив.

Позже выяснилось, что Латышев уничтожил нефтеналивной танкер водоизмещением в шесть тысяч тонн.

Через несколько дней он вместе с тремя другими летчиками вылетел в разведку. Стоял ясный день, и солнечные лучи ярко освещали спокойную поверхность моря. Далеко на горизонте показался корабль. Это возвращался на свою базу фашистский миноносец. Зенитки корабля открыли остервенелый огонь, но самолеты уже вошли в отвесное пикирование и прицельно сбросили бомбы. Миноносец сильно накренился, но еще держался на плаву. Тогда Федор, не медля ни секунды, еще раз ввел свою машину в пикирование. Прямое попадание в центральную часть и корму миноносца. Страшной силы взрыв раздался над морскими просторами. Обломки миноносца погрузились в воду.

За потопленный миноносец Латышев был награжден орденом Красного Знамени.

Товарищи радовались за него, поздравляли.

С каждым вылетом росло боевое мастерство Федора. Однажды он, не имея на борту ни одного снаряда, ни одной пули, пошел в лобовую атаку на фашистские самолеты и разогнал их, спас от бомбежки свой транспорт. В другой раз один атаковал двух вражеских торпедоносцев и сбил одного из них. И совсем недавно, два дня назад, Федор сбил над морем «мессершмитта»...

А сейчас? Что случилось сейчас? Машина цела, у Виктора, по его выражению, только царапина, радиста даже не задело. А он, Федор, выбыл из строя. Выбыл по собственной вине. Не распустился он, не пришлось бы удирать, как жалкому трусу, да еще залитому кровью. А ведь могло быть и хуже. Мог погубить и товарищей, и самолет.

Федор заскрипел зубами. Голова его раскалывалась на части. Хотелось кричать от стыда. Крупные капли пота стекали из-под повязки.

Утром Виктор ушел. Он уже знал о письме из Сибири и, уходя, посоветовал Федору:

— Обязательно расскажи Бате. Все расскажи. Я верю, он поможет.

— Расскажу, я к нему собирался, да не успел... вот что помешало. — Федор провел рукой по повязке, закрывающей глаза, и слабо улыбнулся.

Сегодня он чувствовал себя лучше и с нетерпением ждал прихода Зимина.

Сергей Яковлевич встретил Виктора в столовой.

— Ну как? Уже поправился? Быстро!

Виктор обрадованно сообщил:

— И Федору лучше. На поправку пошел. Боли в голове затихли, и температура почти нормальная. А я виноват... Неправильно вас вчера информировал. Другая причина у Федора, не из-за девушки... Письмо от матери получил. Он сам вам расскажет.

— Хорошо. — Зимин пожал руку Виктору и поспешил в палату к Латышеву. Батя очень внимательно выслушал Федора, дважды прочел переданное ему письмо, очевидно заинтересовавшись какими-то деталями.

— Не имеют права выселять мать фронтовика — это недоразумение какое-то, — спокойно сказал он Латышеву. — Сегодня же пошлем от командования части письма в жилищное управление, в райком партии, в райвоенкомат. Ошибку исправят, я в этом не сомневаюсь.

А вы напишите матери, посоветуйте ей поселить в соседнюю комнату эвакуированных — веселее будет.

— Спасибо, товарищ полковник!

Федор с минуту лежал молча, словно прислушиваясь к тому, что творилось в его душе. Неожиданно для самого себя, задышавшись от наплыва самых разнообразных мыслей и чувств, он стал рассказывать замполиту все, что пережил, перечувствовал этой ночью.

Зимин ни разу не прервал Федора.

— Скажите, товарищ полковник, я виноват? Seriously виноват? — беспокойно спросил Федор.

Перед Зиминим лежал летчик не только раненный, но и терзающий свою душу сомнениями. Что ответить ему? Как успокоить? Сказать, что в бою всякое бывает? Или похвалить, что довел до своего аэродрома машину? Ведь этим можно восхищаться! Но Федор Латышев сам понял свою вину, сам осудил себя. Теперь он ищет подтверждения: правильно ли он во всем разобрался. Нет, такой не нуждается в скидках.

— Да, виноват, — уже не колеблясь, сказал Сергей Яковлевич и мысленно добавил: «Какой же ты замечательный человек!» Осторожно он нашел под одеялом руку Федора, крепко пожал ее.

— Поправляйтесь скорее, Латышев! Это, если хотите, приказ...

* * *

Зимину повезло. Он быстро получил на складе литературу и с помощью шофера уложил перевязанные стопки книг в легковую автомашину, на которой приехал из своей части в Мурманск. Теперь можно было заняться и другими делами.

В семь часов вечера Сергей Яковлевич должен встретиться со своим другом капитаном 1 ранга Иваном Лукницким. Они не виделись с начала войны. Зимина радует предстоящая встреча, но сейчас еще только половина первого. Так много свободного времени!

Минуту Зимин раздумывает: Федор Латышев... Ради него он собирался специально приехать в город. Латышеву надо помочь. Он все еще лежит в санчасти и все еще нервничает, хандрит, хотя вопрос с квартирой матери уже улажен. Сергей Яковлевич сам все проверил.

Может быть, Федор тоскует о Лене? Зимин у Виктора узнал ее служебный адрес.

«Только, пожалуйста, не выдавайте меня, Сергей Яковлевич, — смущенно попросил Виктор. — А то получится, что я с вами в заговоре. Неудобно...»

«Схожу-ка я к ней сейчас», — решает Зимин.

...Лена удивилась: зачем пришел к ней незнакомый полковник? Что его приход может быть связан с Федором, она не подумала. Ни Федор, ни Виктор после вечера в клубе не давали о себе знать.

— Так вот вы какая, Лена, здравствуйте! Я хочу посоветоваться с вами относительно Федора Латышева, просить вас...

И Зимин коротко рассказал о письме матери, полученном Федором, о неудачном бое, о ранении и неожиданно для самого себя предложил:

— Поедьте сейчас к нам в часть, навестим Латышева в госпитале. Хорошо? А с вашим начальником я сам договорюсь, попрошу его, чтобы отпустил вас.

Лена смущенно и растерянно смотрит на усталое лицо, видит светлые блестящие глаза. Эти глаза словно заглядывают ей в душу, что-то ищут... И вдруг ей становится легко и немного беспокойно, она крепко сжимает руку неожиданного гостя.

«Не увидимся с Иваном, — думает Зимин. — Жаль. Но это важнее».

* * *

Федор Латышев шел из санчасти быстрыми шагами. Даже трудно было поверить, что только три недели назад он получил в бою тяжелое ранение. Ему хотелось поскорее увидеть товарищей:

— Вот и я, совсем здоровый!

Землянка оказалась пустой. От проходившего мимо техника Федор узнал, что все летчики, свободные от полетов, находятся в клубе. Там идет собрание и сейчас выступает замполит.

Техник выпалил это единым духом и поспешил в клуб.

Пойти лечь на койку и подождать, пока вернутся товарищи? Но уж очень надоело Федору быть на положении больного, и он тоже пошел в клуб.

Выступал капитан Леонид Савельев, сбивший немало вражеских самолетов. Он рассказывал своим товарищам о том, как во время воздушных боев он и его ведомый время от времени меняются местами, ведущий прикрывает ведомого, дает ему возможность самому сбить самолет врага.

Савельев не очень красноречив, но для присутствующих ясно: это важное дело — при таком методе ведения боя ведомый быстрее станет самостоятельным боевым летчиком. Замполит, узнав, как ведет бой Савельев, попросил его поделиться своим опытом на собрании летного состава части.

...Федор сидел у себя в землянке. Вокруг шумели обрадованные его возвращением боевые друзья. Он тоже радовался и тому, что снова вместе с ними, и тому, что завтра вновь поднимется в воздух, будет защищать ставшее родным северное небо. В ушах у него звучали слова замполита о воле к победе.

Сегодня он их услышал во второй раз. Как он был благодарен за них замполиту. И вообще, как много сделал для него Зимин. Мать вернулась на свою квартиру, теперь она довольна. Лена приезжала в госпиталь.

И как это он понял, что ему, Федору, очень хотелось повидать Лену, извиниться перед ней за свое поведение в клубе. И Батя все понял, разобрался. Спасибо ему!

А в это время замполит возвратился в свою землянку, разделся и достал из чемодана фотографию. Как всегда, на него смотрели родные, чуть лукавые глаза на милом загорелом лице... Жена...

Красива ли она, его Аня? Вернее всего, что нет. Но для него она самая дорогая, самая красивая...

Через шесть дней после того, как они поженились, началась война. Сергей Яковлевич уехал на фронт. Больше они не виделись. Только письма, письма Анки жгут даже пальцы.

— Воздух!

Зимин спрятал фотографию, набросил на плечи шинель и выбежал из землянки.

Морское сражение

Впереди левее меня в сумрачном северном небе мчится «двойка». Ее ведет на боевое задание «зам. по дыму и огню». Так в шутку зовем мы заместителя командира полка по воздушному бою гвардии майора Сухомлина. Считанные минуты прошли с той поры, как над аэродромом взвились две красные ракеты. В кабины, застегивая на ходу лямки парашюта, взобрались мои товарищи-гвардейцы, техники выбили колодки из-под колес машин. И вот тридцать истребителей, построившись в воздухе, легли на заданный курс.

Внизу проплывает примелькавшийся, однообразный пейзаж: невысокие сопки, покрытые низкорослым, чахлым лесом, топкие болота, многочисленные озера. Сейчас они скованы ледяным панцирем и заметены снегом... Всюду в беспорядке разбросаны огромные гранитные валуны...

Конец апреля, а пока нет никаких признаков прихода весны. Мороз, частые метели и обильные снегопады. Все кругом бело — снега на горизонте сливаются с белесым небом. Только кое-где северный колючий ветер сдул снег с хребтов и острых гребней, и они чернеют на белом фоне. Земля кажется полосатой.

Но вот кончилась суша. Мы над морем — суровым, неласковым Баренцевым морем. Нагнав бомбардировщиков, шедших плотным строем на задание, пристроились к ним и заняли свои места в боевом порядке.

Мы поддерживаем друг с другом только визуальную связь. Сухомлин строго-настрого приказал не пользоваться радио. Летчики и сами прекрасно понимают, что каждое лишнее слово в эфире дает врагу возможность заранее узнать о нашем приближении и подготовиться к встрече.

Земля уходит все дальше и дальше. Даже чайки давно повернули обратно.

Некоторое время идем вслепую в густых облаках. Потом выныриваем из них и замечаем вражеский караван. Транспорты и боевые корабли кажутся с высоты игрушечными.

Морской путь — единственная жизненная артерия, питающая северные участки фронта гитлеровцев. Судьба и участь их во многом зависят от перевозок военных материалов и припасов по этой водной дороге. Поэтому фашистское командование старательно охраняет свои караваны. И сейчас над вытянувшимися в цепочку судами, идущими к берегам Норвегии, барражируют самолеты конвоя.

Схватка с ними, видимо, будет жаркой. Нельзя терять ни

секунды. Внезапность нападения — три четверти успеха в воздушном бою.

Как всегда перед боем, летчики сосредоточены. Казалось, их чувства в эти минуты слились в одно, до предела обостренное внимание. Они ждали команды.

И вот в наушниках шлемофона (теперь уже не имело смысла хранить молчание в эфире) раздался приглушенный голос майора Сухомлина:

— Иду в атаку. Следуйте за мной!

Одномоторный советский истребитель с цифрой «2» на фюзеляже ринулся в лобовую атаку на двухмоторный «Мессершмитт-110». Сухомлин первым открыл огонь. Фашистский летчик дал ответный. Трасса пуль прошла выше «двойки».

Дав полный газ, я устремился за Сухомлиным, чтобы прикрыть его сзади. А он, сделав «горку», молниеносно ринулся на врага. Несколько пулеметных очередей, и «мессер», объятый пламенем, упал вниз и скрылся в волнах.

В небе завязалось несколько скоротечных схваток. И через некоторое время еще четыре самолета гитлеровцев пошли на дно моря.

Пока истребители дрались с самолетами конвоя, красноезвездные бомбардировщики, пикируя один за другим, сбрасывали бомбы на корабли.

Закипела вода вокруг каравана. На палубах вспыхнули пожары. И вот уже один из транспортов, задрав корму, стал медленно погружаться в морскую пучину. Вскоре еще два корабля скрылись в волнах Баренцева моря. Отбомбившись, самолеты ушли на восток; их сменили торпедные катера, которые с ходу понеслись в атаку на фашистский караван.

— Порядок! — слышен в эфире голос Сухомлина, заглушаемый разрывами снарядов.

Теперь нужно, пустив в ход фотокинопулеметы, зафиксировать ход сражения, как у нас говорят, «зарисовать».

Чтобы обмануть бдительность «мессеров», надо пойти на хитрость. По приказу командира мы уходим в облака. Затем выходим из них с противоположной стороны каравана и на бреющем полете проносимся над фашистскими кораблями с включенными аппаратами...

...Задание выполнено. Можно возвращаться домой. Но Сухомли, а вслед за ним и остальные заметили, что наш катер, потеряв ход, дрейфует. Разве летчики могут бросить моряков в трудную для них минуту, нарушить закаленное в боях братство советских воинов?

— Прикроем. Поможем вернуться на базу, — радировал нас Сухомлин.

Вокруг отставшего катера забили белые фонтаны. Это начал пристреливаться находившийся в хвосте каравана гитлеровский эсминец. Он замедлил ход и, повидимому, решил потопить дрейфующий катер.

— Штурмуем эсминец. Все за мной! — приказал Сухомлин. Форсировав до отказа моторы и открыв из пушек ураганный огонь, мы пикируем на вражеский корабль, вынудив его маневрировать и прекратить стрельбу. Вскоре на палубе эсминца вспыхнул пожар, и он, прибавив ход, стал догонять своих.

Советский торпедный катер был спасен. К нему на помощь уже спешило вспомогательное судно, чтобы взять его на буксир.

Горючее у нас на исходе. Мы летели над тундрой, когда встретили группу истребителей капитана Петренко, шедшую нам на смену. Мы приветствовали друг друга легким покачиванием крыльев. Друзья, как мы потом узнали, догнали фашистский караван и вместе с подоспевшими бомбардировщиками нанесли по нему еще один сокрушительный удар. Транспорты фашистов так и не дошли до берегов Северной Норвегии.

Новый заместитель командира по воздушному бою Сухомлин прибыл в полк незадолго до этого памятного боя.

Нигде люди так быстро не сходятся, как на войне, особенно в авиационных частях. И это вполне понятно. Человеку хочется знать, кто рядом с ним, как говорится, крыло в крыло летит на задание, из которого, может быть, не вернешься, на кого можно положиться в минуту смертельной опасности, кто выручит тебя из беды. У летчиков, как правило, нет секретов друг от друга. Жизненный путь, характер, привязанности, привычки каждого из нас становятся известными всем друзьям-однополчанам. Так было и на этот раз. Очень скоро мы многое узнали о Сухомлине.

Военный летчик Иван Моисеевич Сухомлин перед войной был известен в авиационных кругах: установил несколько мировых рекордов. О нем писали в газетах и журналах.

Воевать начал в Севастополе. На «летающей» лодке бомбил военные объекты, расположенные на территории, оккупированной гитлеровцами. Приходилось ему штурмовать колонны танков на дорогах Крыма, громить штабы, склады и наносить бомбовые удары по передовым позициям фашистских войск. Сухомлин доставлял боеприпасы в осажденный Севастополь и вывозил оттуда раненых в Геленджик.

Потом Ивана Моисеевича Сухомлина как опытного летчика-испытателя откомандировали на Урал, куда эвакуировался большой авиационный завод. Но Сухомлин стремился на фронт,

туда, где всего труднее, — на Север. Не один рапорт подал он с просьбой послать его в действующую армию и добился своего. Так черноморец стал североморцем.

Если на юге Сухомлин воевал на тяжелом четырехмоторном гидросамолете, то на севере он пересел на одномоторный скоростной истребитель.

Быстро освоить новую боевую технику помог ему опыт испытателя.

Командир дивизии генерал Н. Т. Петрухин, знавший Сухомлина по довоенной совместной службе, спросил его:

— Как нравится машина?

— Хороша! — восторженно оценил Сухомлин. — Очень даже хороша! Быстрая, верткая, крепкая.

— А к климату северному привыкаете?

Улыбаясь, Сухомлин ответил шуткой:

— Север — прекрасная планета. Двенадцать месяцев зима, остальное — лето! — И после короткой паузы, уже серьезно добавил: — Где бы ни воевать — лишь бы бить проклятого врага...

После нескольких боевых вылетов в части сложилось единодушное мнение о новом заместителе командира полка:

— Талантливый летчик, заботливый командир, прекрасный товарищ!

Сухомлин прибыл к нам, в гвардейский Краснознаменный истребительный авиационный полк имени дважды Героя Советского Союза Бориса Феоктистовича Сафонова, когда этого прославленного североморского аса уже не было среди нас. Но он незримо присутствовал в нашем строю. Летчики часто вспоминали о своем командире. Сухомлин внимательно прислушивался к их рассказам, ему казалось порой, что он слышит голос самого Сафонова:

— У нас в эскадрилье не должно быть ни одного летчика, не имеющего на счету сбитых фашистских самолетов. Но враг добровольно не подставляет себя под пули: его надо уметь сбить.

И летчики свято соблюдали сафоновские традиции. Однажды Сухомлин и его ведомый Евгений Мезюков встретились с шестнадцатью самолетами противника. Двое смельчаков приняли неравный бой и сбили три «мессера». На изрешеченных машинах оба благополучно вернулись на свою базу.

— Вы дрались, как настоящие сафоновцы! — услышал тогда Сухомлин высокую оценку товарищей, и не было для него ничего дороже этих слов...

До конца войны гвардии подполковник Сухомлин служил в сафоновском полку. Однажды Иван Моисеевич признался:

— Служить мне, как медному котелку... Говорят, есть у меня военная косточка. Не знаю, так ли. это, а вот летная прощупывается... И стала она расти с первого воздушного боя. Давненько это было...

Салют Победы

...На самолете «Тихорецкий комсомолец» я несу боевую вахту над Черным морем. По приказу командования меня перевели на службу в авиацию Черноморского флота, в полк, из которого я был командирован в Заполярье. Новенький «Тихорецкий комсомолец» не имеет ни одной царапины: он так и не побывал в воздушном бою!

Эту ночь многие не спали. Не спали и у нас на аэродроме. Летчики, техники, мотористы, собравшись группками, беседовали. В эту ночь даже самые неразговорчивые и замкнутые охотно рассказывали о своих планах, мечтали вслух о будущем. Всем оно представлялось радужным: у многих из нас руки стосковались по любимой работе.

С первого дня войны мы мечтали о счастливом Дне Победы. Четыре года ждали этого радостного известия. И все же позывные Москвы застали нас врасплох. Вихрем ворвалась долгожданная весть: война кончилась! Победа!

В ту же минуту началась ружейно-пистолетная пальба — стихийный салют в честь победы, добытой ценой большой крови, великого всенародного горя, тяжелых лишений и страданий, ценой огромного самоотверженного труда. Здесь же, на летном поле, возник митинг.

И первое слово о павших, о тех, кто погиб за этот светлый, счастливый день.

На улицах маленького приморского городка, расцвеченного красными флагами, толпы счастливых, ликующих людей. Сегодня нет незнакомых — все поздравляют друг друга, обнимают, целуют. У многих на глазах слезы; радость и счастье переполняют сердца.

Музыка, песни, улыбки, веселье — таким запомнился этот весенний день, день всенародного торжества, первый день мира. День, который никогда не изгладится из памяти народа!

* * *

Миновала война, заново отстроились разоренные города и села, и стали краше, чем до войны, восстановленные из руин заводы и фабрики. Позарастали густой травой и буйно цветущей повиликой окопы и ходы сообщения. Над бывшими полями сражений, где свистели пули и земля содрогалась от взрывов, тонко гудят шмели. На некогда неприступных водных рубежах

хочоцут, купаясь, мальчишки, знающие о войне лишь по книгам и фильмам. Все реже находят на опушке леса, где проливалась горячая кровь, позеленевшие винтовочные гильзы и ржавые солдатские каски. И эти находки становятся музейными экспонатами. Но стоит зайти в любой советский дом, и на самом почетном месте вы увидите портрет отца, сына, мужа, сражавшихся за любимую Родину. Во многих семьях вспоминают погибших... Сколько молодых людей, подобно нашей Ярославне — Вале Терешковой, не знали отцовской ласки!

* * *

В землянках, выдолбленных в гранитной скале, тяжело нависшей над маленькой северной речкой, разместился наш истребительный авиационный полк.

— Как чайки, в скале живете, — говорил нам приезжий молодой военный корреспондент.

Тяжелое это было время — осень 1941 года. Гитлеровские захватчики настойчиво рвались к Кольскому заливу. Нам, летчикам-истребителям, приходилось пять — восемь раз в сутки подниматься в небо по боевой тревоге. Почти все время находились в боевой готовности.

Сафоновский И-16 первым уходил в воздух, первым бросался в атаку на врага и не знал поражений. В перерыве между боями Борис Феоктистович учил нас искусству побеждать.

— Почему ты не вступаешь в партию? — как-то спросил меня Борис Феоктистович Сафонов.

Я и сам не раз задумывался над этим. Рядом со мной сражались летчики-коммунисты. И как сражались! Достоин ли я, тогда молодой еще летчик-истребитель, быть среди них?

После того как на моем счету было четыре сбитых вражеских самолета, я подал заявление. Рекомендовали меня Сафонов и комиссар полка Проняков. Я никогда не забуду это партийное собрание, которое проходило на полевом аэродроме, около боевых машин, готовых в любую минуту взмыть в небо навстречу врагу.

И только закончилось голосование, как в небо взвилась красная ракета — сигнал дежурной группе — «Воздух». Ракета описала дугу и, рассыпаясь, медленно опустилась на летном поле. Командир группы Борис Сафонов, выруливая на взлет, показал взмахом руки из кабины: «Все за мной!» Один за другим поднялись два звена истребителей. Среди них и моя машина.

С земли приказали: сделать разворот в сторону первого

эшелона фашистских бомбардировщиков. Я успел заметить, что за ведущей восьмеркой гитлеровцев шли еще несколько групп «юнкеров». Их прикрывали десятки «мессеров». Да, бой будет ожесточенный.

Сафонов, как всегда, первым атаковал врага. Пилот гитлеровского бомбардировщика не смог уйти от его молниеносного удара. Задрал вверх правое крыло, «юнкерс» заскользил к земле и, перевернувшись, врезался в землю на опушке реденького леса. Вскоре вслед за ним еще четыре юнкерса, оставляя за собой плотную полосу черного дыма, рухнули вниз.

Потеряв ведущего, бомбардировщики заметались. Некоторые из них нырнули в облака. Но это было только началом. Спасаясь бегством, «юнкеры» сбросили бомбы на свои же окопы.

На аэродром мы возвращались довольные победой.

Так началась моя партийная жизнь.

Кандидатский стаж для фронтовика был установлен в три месяца. Но для меня он удлинился в несколько раз из-за того, что я скитался по госпиталям. Наконец я возвратился на Север в свой родной полк.

Весна 1943 года принесла мне немало радостей. Я вновь летал, сражался, сбивал вражеские самолеты. В семье летчиков-сафоновцев я ощущал себя нужным и полезным человеком. Совсем счастливым почувствовал я себя, когда после десятого сбитого мною вражеского самолета на коротком собрании, опять же на летном поле, мне вручили партийный билет.

Вот уже более двадцати лет стараюсь всегда и во всем быть достойным высокого звания члена партии, созданной Лениным.

Нет для человека ничего дороже, чем партийный билет коммуниста! А для тех, кто получил заветную красную книжку в тяжелое для Родины время, на фронте, он ценен и дорог вдвойне.

Примечания

Высота бреющего полета от 25 до 100 метров от земли.